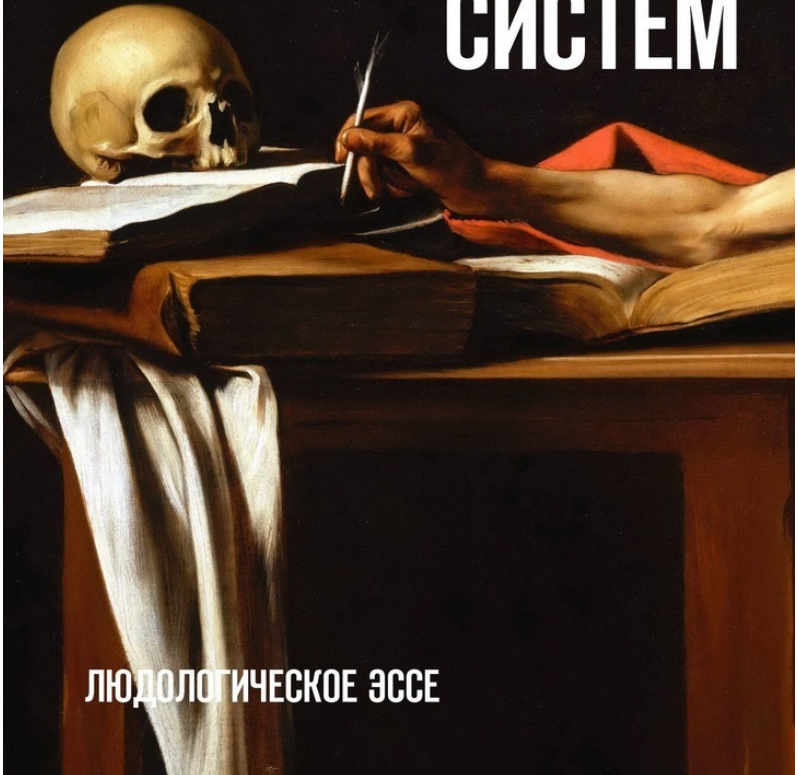

Р. П. Чернов

ПРОЕКТИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

ЛЮДОЛОГИЧЕСКОЕ ЭССЕ

Р. П. Чернов

Проектирование социальных систем. Людологическое эссе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39426719

ISBN 9785449382344

Аннотация

Настоящая работа посвящена анализу структурирования таких социальных систем как: государство, религия, общество в многообразии его проявлений. Автор анализирует возможности Homo faber с точки зрения людологического (ludo – играю, logos – знание) метода познания. Центральной является проблема т.н. «социальной радиации» (свойство изменчивости человеческого благодаря творческой функции). Специальным образом рассмотрены изолированные социальные системы.

Содержание

1	5
2	10
3	13
4	16
5	25
6	31
7	36
8	47
9	68
10	90
11	109
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Проектирование социальных систем Людологическое эссе

Р. П. Чернов

*«Мирская жизнь- всего лишь игра и потеха,
а последняя обитель лучше для тех, кто
богобоязнен. Неужели вы не разумеете?»
КОРАН, 6 СУРА «АЛЬ-АНАМ», 32.¹*

Иллюстратор Микеланджело Меризи (Караваджо)

© Р. П. Чернов, 2020

© Микеланджело Меризи (Караваджо), иллюстра-
ции, 2020

ISBN 978-5-4493-8234-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Иногда успешность целой религии зависит от умения найти правильный тон. Любые «религии – сообщения» с необходимостью формируют социальную систему. В этом отношении и формирование социальных систем, и сами социальные системы являются довольно молодым экспериментом человеческого. Сегодня мы знаем всего лишь несколько успешных попыток формирования социальных систем на основе «религий-сообщений». Искусственность подобного метода познания сквозь обязанность долженствования – залог неудачи (хотя грань формирования социальной системы и лежит в области осознанности проектирования). С тех пор как человек стал управляться формой уверенности в своей правоте, мир и его судьба изменились безвозвратно. Теперь для управления миром необходимо создавать некоторую методику познания для всех и каждого, приобщение к которой давало бы отдельному человеку собственность знания и суждения. И только в этом случае данный человек может быть скопирован в систему. Безверие и обыденный нигилизм, рожденный две тысячи лет назад, в последние 300 лет достиг своего апофеоза.

Уже совершенно недостаточно сообщить массам картину мира, настаивая и утверждая, что она правильна. Базовые формы убеждения, как логического, так и военного, уже

неактуальны в силу, как бездейственности самой логики, так и стертости представления непосредственной угрозы для личности (отдаление страха неминуемой и скорой смерти). Право, закон, также растранили свой кредит доверия. Тех же, кто уподобляется верующим в данную мифологию, мы больше относим к животным, чем к людям, ибо человек – биологический вид, изменчивость которого управляема в первую очередь сознательно. И животным можно управлять сознательно, но большинство социальных систем строятся исключительно *при желании* управляемого участвовать в управлении, быть ему сопричастным, сопереживать его. Именно таким образом достигается коррелирующая в построении социума, когда сам социум в лице своих представителей, инфицированных определенным образом должностования, стремится к доработке общего плана и общей схемы наличной действительности.

Людям свойственно ограничивать себя. Так и мы сегодня ограничиваем себя представлением о нас самих периодом в 5—6 тысяч лет, полагая, что именно это период нашего *управляемого развития*, от начала до дня сегодняшнего. А до этого было некоторое время, которое изучается больше палеонтологически и антропологически, но к причинно-следственной связи дня настоящего имеет косвенное и весьма условное отношение. Но именно этот период времени, заретушированный самомнением сознания, является областью проектирования социальных систем. Проектиро-

вание начинается там, где вместо грубой механики физического воздействия управляющего над управляемым, появляется возможность идеологического управления посредством предписания самостоятельного, самодостаточного, универсального представления о мире, о том, каким образом он должен быть выстроен и организован в отношении универсума восприятия относительно предельности управления действиями управляемого. Переоценка влияния божественного в современности приводит к тихому и спокойному ожиданию верующими катастрофы современного. Сомневаться в Боге невозможно, сомневаться в религии как костюме Бога – необходимо. Применение к божественному понимания точности, временности и вообще любых материалистических форм познания – сведено к нулю. Но использование веры при государственном строительстве, отправлении правосудия, долгосрочном планировании – лучшее из всего арсенала проектирования социальных систем (сложный, но действенный инструментарий). Без веры существование человека ограничено импульсами и аффектами необходимости, при этом неважно, чем они продиктованы. В вере любой, приобщающийся к религии, становится телом Господа, передавая свою жизнь и свой разум Богу, становясь по своим внутренним убеждениям (а это и есть самое главное) частью процесса, бытия, определяющего смысл абсолютного бытия этого мира вне пределов времени и пространства. Бог как необходимое продолжение предельности познания, как

то, что наступает лишь там, где силы человека, в области действительного и духовного совершенно недостаточны для безболезненного существования. Бог на сегодняшний момент является единственным средством структурирования *идеальной социальной системы*.

Но мы предлагаем пойти чуть дальше любезному читателю... при этом полностью настаиваем на отсутствии какого-либо сомнения в Боге. Но предмет нашей работы не должен ни оскорбить чувств верующего, ни тем более умалить воли Бога. Мы просто не будем говорить, что нам известно нечто, что исходит от самого Бога, и тем самым является законом для верующего, мы сосредоточим свои усилия познания на том, что любой религией воспринимается как исключительное испытание перед жизнью после смерти – *на самой жизни*, сопровождаемой сознанием и возможностью руководства своими действиями, как в отношении себя лично, так и в отношении неопределенного круга масс личностей и времен.

Ни в малейшей степени те вопросы, которые мы будем затрагивать, в том числе и вопросы религиозные, не могут причинить оскорбление чувствам верующих, ибо мы исходим из полного и абсолютного признания Бога и его власти над собой, и единственного, кто есть с нами, и потому не чувствуем себя одинокими в этой жизни. Но без воли божественного, без дозволения, не было бы и возможности подумать о том, чему посвящена эта работа – мир, в предельно-

сти его доступности как поле для эксперимента, социальная система, которую возможно проектировать, изменять, обладая необходимостью тех или иных ресурсов.

2

Каждый, кто человек, участвует в проектировании социальной системы. Уровень сложности проектирования социальных систем сегодня таков, что девиантное поведение, отрицающее в том числе, уже заложено в самой системе. И поэтому, сколь откровенны не были бы разговоры об индивидуальности судьбы каждого человека, его уникальности, все мы, по сути, являемся частью системы, которую мы либо поддерживаем, либо отрицаем (тем самым поддерживая косвенно). Многое из того, что нам кажется подлинно нашим и индивидуальным, было уже сотни раз описано, исследовано и многократно проверено. В наивысшей степени это проявляется при расследовании уголовных преступлений. Преступнику всегда кажется, что его преступление есть форма стечения «вихря обстоятельств», порожденных глубокими личными проблемами, что это уникальный акт отрицания общественного, неповторимый и уже *точно индивидуальный*. Следователь таких уникалов видит по несколько человек в день и за раскрытие преступления и привлечение к уголовной ответственности виновного получает деньги, что не мешает талантливым следователям, психотерапевтам, священникам и прочим использовать глубокую уверенность своих подопечных в своей неповторимости, равно и безвинности (в этом отношении Христианство, объявив-

шее всех преступниками, грешниками, сделало гениальный ход). Вместе с тем, с течением времени все больше становится понятен и тот факт, что мир развивается личностями одиночного плана. Людями, которые что-то придумывают, до кого-то доносят, что-то, где-то внедряют, проецируют, завоевывают и так далее. Успешные представители каждой социальной группы (страта) уверены, что именно их стараниями мир расширяется, «круг человека» становится полнее, а они определяют, чему быть, а что придать безмолвию неизвестности. Политики уверены, что именно власть меняет мир; философы, что все это суэта-сует, и их познание переживет любой политический режим, как это уже неоднократно бывало; киноактеры и публичные люди, что они управляют образом человека долженствующего; финансисты, что предельность любого вопроса упирается в деньги, и так далее. Именно для них неверие в Бога будет прижизненным адом. У каждого индивидуума есть определенный волевой порог, который и определяет суть его успешности и возможность успеха именно для него. Как правило, это степень признания тебя тебе подобными. Кто-то предпочитает ни во что не вмешиваться, следовать единожды воспринятым правилам и нормам, кто-то все отрицает, на все смотрит как на препятствие для жизни и от того все разрушает, кто-то сбегает в одиночество и там старается найти гармонию с самим собою. Но все стремятся к власти любой ценой, подчиняя все в себе и вокруг себя единственному – стремле-

нию к власти. Они это называют желанием обустроить мир, они верят, что несут добро, но на самом деле для них важно только одно – захват власти.

Власть как механизм, гарантирующий воплощение в действительном замысла организации той или иной социальной системы – вот задача таких людей. Кто они? Люди, преодолевшие высшие болевые и социально зависимые пороги, что стоит им восхождение к данной вершине? Что стоит им выносить тщетность жертвы пустых хлопот, когда многолетний труд бывает не только не полезным, но признается ими самими чистейшим заблуждением и ошибкой? Это трудно представить себе с позиции жизни обывателя, погруженной в систему потребления и вечных «поглаживаний». Но в большинстве своем именно для этих индивидуумов написана данная книга. Где бы и в какой бы области своего развития они не находились, именно в помощь тем, кто преобразовывает свою жизнь в целях преобразования мира посвящена эта работа.

3

Чем же может быть полезно наше знание тем, кто задумал изменить мир? Или точнее тем, кто, раз вступив на путь изменения, уже пленен упоительностью чувства безграничной власти знания истины, знания пути преобразования, точного знания о том, что именно он то и есть помазанник и посланник, именно ему то и выпало счастье управлять теми процессами, которые по нашей вере простого человека составляют исключительную компетенцию Бога? Спаситель истинной, но только собою как истиной, только своей истиной знания того, каким должен быть мир. Эта работа есть, прежде всего, руководство для тех, кто может слышать, и кто может не слушать там, где он не согласен, приписывая автору именно то, что и должно только согласовываться с его внутренним убеждением. Но, мы смеем надеяться, что знание, которое здесь сообщается, поможет избежать всякому правителю самого страшного на своем пути, того, что убивает любого быстрее, чем оружие его заклятых врагов. Саморазочарование. Именно в тот момент, когда лицо, достигшее высшей власти, обнаруживает, что ему по большому счету и поговорить не с кем, когда всякий превращается в эхо его собственных мыслей, и он может сделать все, что угодно, и все будет одобрено и принято искренне как совершеннейшее благо, наступает ужас разочарования. Кто-то сходит с ума, кто-

то сжирается алкоголем и наркотиками, кто-то топит свои страхи в убийствах и лютых оргиях, кто-то прячется от голоса своего сомнения, но все они разочаровываются в себе, все они становятся параноиками, и никогда не узнают себя в зеркалах. Все они стремятся избавиться от своей сущности человека и начинают ненавидеть свое тело и все, что с ним связано, все они начинают приписывать себе и требовать от других свидетельств своего иного состояния и отношения, сверхчеловеческого человеческого.

Помимо этого, ни у кого, кто занят тренировкой своей воли нет времени на то, чтобы пребывать в рефлексии относительно правильности своего пути. И если не сделать правителя философом – то, по-крайней мере, дать ему знание о том, что есть основа организации мира, основа социальной системы. Своего рода ноты и ключи социальной химии. Ибо мы знаем, что еще не один раз уроки прошлого и уже множества раз сказанного забудутся, и еще сотни раз те, кто встанет у власти, начнут видеть врагов своих опять же в других, и реки крови еще будут течь на этой земле, только потому, что сила всегда невежественна, а знание всегда обезличенно и потому бессильно. Но люди не часто ищут причины всего только в том, что неизменно и всепоглощающе, они очень часто приписывают то, что им не принадлежит, себе подобным, и поэтому страдания неизбежные решают методами простыми и примитивными. Наши властители тоже люди и над ними тоже есть порок и грех. Таков мир.

Чтобы жертва человеческая не была напрасной, убийства не были культом, страхи не были причиной войн, глупость власти мудростью нищих духом, создана была эта книга. И если она сбережет от напрасного смертного приговора, воздержит от убийства невинного, кражи чужого, то оправдает себя.

Социальная система, что это?

Теории любого познания, общий анализ адекватности и прочее, все приводит со временем к тому, что анализ социальной системы вне связи с определенной базовостью ее идеального содержания не представляется возможным. Анализ социальной системы проходит в рамках лудологической школы познания². Социальная система возникает везде, где можно констатировать факт реализации бытия в возможности (бытия мысли), вплоть до факта его возникновения и восприятия индивидуальным образом. В общем же, социальные системы бывают совершенно разных типов и оснований, различие и моделирование которых будет во многом предметом нашей работы. Главное, что необходимо уяснить здесь, – социальная система в равной мере в части своего создания и проектирования доступна любому лицу, обладающему культурологическим наследием (надлежащим уровнем коммуницирования). В момент своей завершенности (не оцениваем как правильное или неправильное) она есть

² Лудология (ludo- играю, Logos- знание) – системный метод познания, предметом которого является мир как универсум, а методом анализ любого явления с точки зрения игры, обладающей различной степенью алеантности. См. подробнее о методологии «LUDI & ЛЮДИ. Краткий курс лудологии», Москва, 2007, изд. «ЛИГАЛ ЭКСПЕРТ».

представление, дело остается за малым – волей. И здесь первая ошибка, смысл которой в том, что воля как форма реализации уже содержится в представлении и поэтому не является способной к осуществлению. Как правило, воли хватает лишь на то, чтобы сформировать представление и, максимум, его обнародовать. Поэтому классическая связка «Стагирит – Искандер», «Карл Маркс – Владимир Ленин» – социально приемлемые формы. Наша задача – позволить объединить в одном лице и проектировщика, и архитектора, и строителя социальной системы (что было фактически только однажды в истории). При этом, в рамках человеческой жизни, должен быть еще и запас на доработку и шлифовку полученного результата. Как это можно сделать? Прежде всего, необходимо разрушение мифа одиночества и индивидуальности. Как правило, личности, действительно добивающиеся уровня власти, позволяющего проектировать социальные системы, на своем первоначальном пути выступают подражателями великих деятелей прошлого, устанавливая связь подобию. Индивидуальность как черта, предполагающая неповторимость комплекса реагирования на унифицированные жизненные обстоятельства, устраняется сложнее, так как связана уже с определенной долей персонификации личностью в отношении себя до этого обезличенных и чужеродных ей ценностей. Но, именно понимание себя всего лишь средством и инструментом в общем процессе становления системы, порождает такие черты характера, которые подкупа-

ют в дальнейшем окружающих – аскетизм (форма экономии психологической энергии), кротость, очаровательность в общении (не реагирование на собеседников, как на равных, как на тех, кто может причинить обиду), естественная последовательность принятия решений в отсутствии наглядной внешней и внутренней рефлексии, желание постоянно усиливать свои позиции и прочее.

Во многом проектирование социальных систем зависит от типа личности – исполнителя. Наиболее близко к данной проблеме подобралась отрасль научного знания «Жизненная стратегия творческой личности», авторы которой³ сделали попытку алгоритмировать ход развития обстоятельств (а точнее, *постоянную* в сопротивлении окружающей среды творческой личности). Любой правитель уровня проектирования социальной системы, безусловно, человек творческий. Но вот именно здесь надо провести грань между обычными властимущими без великой идеи и такими правителями, как Цезарь, Чингисхан, Гитлер, Ленин, Сталин и другие. Не стоит так же забывать, что религия – это большая политика. Что же составляет отличие всех прочих от этих исторических фигур, чей характер и идеи преобразовали и преобразовывают мир? Коренное отличие заключается именно в содержании области мысли, бытия в возможности. Личность этих людей, их тело, их быт, были всего лишь придатком их идей, идеологии. В людологическом отношении

³ Г. С. Альтшуллер и другие, смотрите, например, ресурс www.altshuller.ru

формулу можно сказать, что персонификация бытия в возможности, которым они обладали, доходила в их повседневной жизни до критического уровня. Это желание перенести в область действительного свою внутреннюю веру, при этом, где-то в глубине души понимая, что она неизменно проигрывает уже существующим типам организации социума – главная их черта и отличие. Ничто из того, что было ими сделано, не удовлетворяло их в достаточной степени (но такова черта любого творческого человека). Именно поэтому первоначальная разработка плана развития системы должна быть для них первейшим условием для начала движения, но, при этом необходимо знать, как эта система устроена. Что, в принципе, возможно лишь после того, как проверил свои знания опытным путем, оказавшись на вершине власти. Почти замкнутый круг.

Современное представление о социуме, насквозь зашоренное материально- диалектическими основами познания, не справляется с динамикой жизни и развития мира. Мир, как форма катастрофы, вполне устраивает современность. Но вечность мира, как и отсутствие смерти для человека, – вещи вполне очевидные с точки зрения именно конечного, не общественного познания (известно: ни одна вечность не длится дольше жизни человека; пока есть человек – нет смерти, когда наступает смерть – нет человека). Мир, как поле для форматирования социального, социума, будет всегда сохранять в себе свойство изменчивости того типа, который

невозможно уложить ни в какие концепции и представления разумности политически выгодных действий.

Именно поэтому стоит попытаться. Но не для того, чтобы быть мечтой о самом себе, а попытаться изменить мир уже только потому, что это естественное право каждого человека, не требующее разрешения и одобрения. Мир развивается благодаря тем личностям, которые берут на себя право его проектировать и менять. И, если не убивать в себе силу веры в себя, если следовать одной только лишь возможности, идее того, что именно тебе-то и удастся изменить этот мир, то это вполне новый путь к совершенно другому мирозданию. Ведь уже сегодня в западной цивилизации не осталось ничего из того, чем она была, и чем собиралась быть для самой себя. По большому счету, ключ к успешному проектированию социальной системы лежит в основе сознания человека, в позволении себе быть тем, кто знает, как устроено бытие и то, каким оно должно быть. Государственная власть и прочее – всего лишь атрибуты и механизм. Любое высшее должностное лицо любой станы, без внутренней веры в свое знание о том, какой должна быть социальная система, больше похож на своевольную обезьяну, чем на того, кому стоит довериться.

Социальная система – это и результат, и поле для реализации собственности духа, поэтому надо быть легче. Ничто в этом мире не стоит собственности разочарования в самое себя. Удивительно то, что в основе всей той сложности, ко-

торая предстает перед человеком в момент познания мира, вся эта организованность, распутывание которой иногда занимает годы и приводит в совершеннейший трепет, в основе всего этого лежит простая способность человека быть носителем идеальных объектов в отрыве от их непосредственного восприятия. Человек, любой человек, несет в себе все свое прошлое, все то, что он уже в настоящий, текущий момент осознания не может связать с наличной действительностью, которая ограничивается часом, днем, временем пробуждения и сна. Ранее люди все то, что было им сопутствующим, символизировали в Богов, переживали жизнь путем ее символизации в мифе.⁴ Так появлялось многобожие – как форма хранения множественности знания о множественном мире. При этом человеку свойственно осознавать свою ничтожность – именно поэтому так мало философов. Не все готовы быть тлей ради познания, и потому позор тем философам, которые превращают свои истины в гордость и знаки отличия. Человеку свойственно отдавать те образы, которые преследуют его и которым он подвержен. Все управляется Богами, которые приобретают образы. Запад потому так далеко продвинулся в области проектирования социальных систем, что его Боги были похожи на людей. Причина опять же проста: общественное устройство – полис. Человек, образ себе подобного в условиях возможности выжи-

⁴ См. об этом блестящее исследование А.Ф.Лосев «Диалектика мифа», изд. «Академический проспект», 2008г.

вания за городской стеной, не был враждебным абсолютно. Вражда носила не сущностный характер, а волевой. Античные герои ненавидят и убивают друг друга не за то, что они разноплеменники, люди другой веры и прочее, а за *своиства личности*, которые они размещают в области именно волевого отношения. В то время как на Востоке истребляют по принципу принадлежности к другому племени, роду, и о личностных качествах речи вообще не идет. Воля как форма изменчивости, как область принятия решения, определяющего развитие события, родилась именно на Западе. Впервые именно в силу возможности причастности к политическому управлению не правителя, а любого, кто обладает личностным, а, следовательно, волевым (признается право на собственный мир). Сначала ограниченный имущественным цензом, затем политическими правами и предпочтениями. Но так рождается возможность одного, а значит и каждого влиять на ход истории. Так рождается механика проектирования социальных систем. Личность становится тем, благодаря чему многообразное в явлении (мир возможностей, предоставляемых формами быта общества) упорядочивается определенным образом (выбор профессии, социальной роли). Этим образом становятся личные предпочтения, личная форма уверенности, система доказательств, система доказывания самому себе. Но именно понимание того, как проектируется социум, именно знание о том, как это должно происходить – вот первостепеннейшая задача для Запад-

ной цивилизации. Она всецело игровая, построенная исключительно на том, чтобы привлечь зрителя, участника, и ее вырождение в форму безразличия и животности стада есть первое условие ее гибели, ибо Западный мир приходит к тому, с чего начинал Восток. Но Восток – это существование с единственной целью – пронести себя сквозь время и пространство только потому, что условия жизни на Востоке – это в первую очередь условия *каждодневного выживания*, где оно и есть жизнь. Запад как форма возможности преодолеть самое страшное (смерть) – это удел мирской жизни. Если где и стоит жить не богобоязненным, то на Западе, если где и стоит создать новую религию, то на Западе. И ужас не в том, что нет признания и какого-то диалектического линейного целеполагания, или чего-то, что давало бы возможность расслабиться и проживать жизнь, наблюдая за ней со стороны, изнутри своей уверенности в ее организованности; Запад – это форма возможности роста наших представлений о том, что есть человек, о том что мы есть сами по себе. Но путь Бога – это Восток. Это путь счастья и добродетели жизни. Это путь спокойствия. Не грех, что есть те, кто, веруя в Бога, позволяет себе безверие в отношении самого себя и уверенность тщетности эксперимента познания. Человек и Бог связаны, как создатель и творение, поэтому нет греха в том, кто умер при жизни. Запад либо погибнет, но в современности развития он погубит лучшее в человеке – Восток, либо постепенно потеряет себя в слабости и от-

сутствии личностей. Регулировать процессы таинства развития того, что очерчено как Западная цивилизация – вот наверное предельность задачи данной работы.

5

Прав был тысячу раз Артур Шопенгауэр – познать таинство человеческого в представлении невозможно, как нельзя увидеть свой глаз без чего-либо отражающего. Сама по себе простейшая позиция и успешность любой религии-сообщения (не основанной на ритуальности, а, следовательно, на чувственности) разбивает любую логику тем, что Бог – однозначно не человек. Познать человека невозможно. Знание о человеке, сообщенное самим человеком, мягко говоря, в его предельности бессмысленно, если, опять же, не является формой ритуальности и канонизированности (предмет управления и формализации человека как вещной атрибутики). Но вот слово Божие – форма удовлетворения самого лютого запроса самопознания, при том, что субъект высказывания однозначно не связывается с пониманием человека, но больше человека. Ведь тотемность проигрывает именно с ростом технических возможностей человека. Научившись покорять стихии и убивать любое животное, человек перестает верить в тотем, он перестает верить в многобожие, экспериментально проверив свою силу над тем, что кажется непреодолимым. Возведя себя в Бога, сделав себя Богом, самые жесткие правители понимают комедийность этого маскарада. Но появление Бога как того, что есть непознанное в такой же степени, как повелевающее, как то, что настоль-

ко далеко от человека, что и полет Гагарина не есть форма его отрицания – это серьезный шаг на пути познания человека. Это первое ценностное познание человека – через форму незнания. Это первый шаг на пути предписания дельфийского оракула – познай себя. Если ранее люди себя в основном испытывали, то с религиями-сообщениями они стали себя познавать. И пусть христианство не удержалось в лице своих последователей и предало гностицизм забвению, сотворив из Иисуса Христа фетиш, но в целом, это прорыв. Философскую ценность религии не осознают до сих пор. Какую только чушь не сказали в отношении религии. Но не надо забывать, человек – импульсное животное. Сохранять присутствие философского духа при течении жизненных обстоятельств – невозможно. Необходим *modus vivendi*, который изолирует саму жизнь, делая знание философа безжизненным и отвлеченным. Карикатура философии была бы очевидной и до сих пор, если бы мы пользовались клинописью.

Человек познаваем через религию, и только. Это верно, как истина. Но отрешение через религию невозможно при наличии доблести познания. Это то обстоятельство, которое расширяет круг человека и дает возможность бытия науки. Обряды любой религии не уничтожают тех, кто не желает довольствоваться мерой и доходит до предельности познания, несмотря на гибель в области по ту сторону. Познать человека и историю человек через себя самого, через предельность бытия самого себя – единственный выход, кроме

смерти, которая всегда глупа и мало, что решает. Дихотомия, если не выражается в активной политической деятельности, то неизменно сводит к тому, что называется выбором в неизменность смертности духа. Ницше более всех преуспел в этом. Какова же цена за знание о человеке? Сама собственность жизни. Как любой инфицированный наукой западный человек понимает, что один – это слишком мало для научной объективности, и поэтому он уходит в философию, не зная, как стать пророком. Наша задача – показать, как стать пророком в современности Западной цивилизации. Пусть рубленность фразы не смущает нашего читателя. Для восточного человека понимание слова Бога – уже высшая награда и творческая удача жизни, и дальше этого только безбожие, многобожие. Но нам не повезло родиться в этой культуре и впитать в себя ее предельность представления истинности. Мы живем в мире идей, пантеона миллиарда идей. Мы балансируем на грани социального отчаяния и, пребывая в нем, как истинные сыны своего племени, связываем свое горе только с самими собой. Но такова правда жизни, энергетику которой мы можем использовать. Ужас в том, что познание предела основ человечества через себя самого и сопричастности до тебя оставляет тебя наедине с природой, и в этом отношении мы подобны тем, кого ранее изгоняли из общин и племен, радуясь втайне его смерти. Человек в одиночестве, тем более без Бога, не выживает. Нам тяжело в одиночестве, и мы сбегает к людям, цепляем-

ся за то, что не может уже принадлежать нам. И потому каждый из нас обречен. В своем успехе мы обречены на политическое управление, на эту иллюзию обустройства и служения людям вместо Бога. И это тяжчайшее из наказаний – тысячью смертей соотечественников доказать свою несостоятельность перед лицом собственности запросов. Есть конечно и театралы, которым политическое влияние и связанные с ним почести дороже всего, но им больше подходит карьера лицедеев. Настоящий правитель поймет – тяжесть разочарования и воля, как форма продолжающего – единственная наша награда.

Что же есть человек, как не то, что должно превозмочь? Путь преодоления всегда начинается с изживания в себе окружения. Всего того, что есть заданного в тебе твоим подобием и встречаемостью окружающим людям. Но этот путь ведет только к политической власти и Восток в этом отношении первым открыл ничтожность правителя по отношению к самому себе в момент восхождения к власти. Софистика. Но не только. Жить познанием так, как жить религией, отвернуться от Бога, чтобы увидеть его. Это как ругательства величайшего царя современности – Сталина, православной церковью. Они ругали его за то, что он их не уважал. Но как мог человек, достигший предельности испытания жизни, познания жизни, человека, обращаться с ряженными от Бога? Он, перенесший все испытания Бога, возведенный Богом, и прощенный Богом, как он мог к ним относиться? Неуже-

ли нет технологии? Мы ведь так привыкли к технологиям! Не пора ли создать технологию именно для демонов, для тех людей, которые есть рожденные демоном, бесом, представителем Бога в крови и плоти на земле. Что был бы Бог в теле? – Человеком. Таково христианство. Но для тех, у кого божественности, демонического при жизни столько, что Боги завидуют ему, почему же его, этого двигателя нашей западной цивилизации, мы обрекаем на одиночество познания?

Неужели непонятно, что результатом такого одиночества будет террор социального плана, в котором погибнут совершенно безвинные животные? Террор, необузданный и дикий, единственной целью которого будет возможно найти, или взрастить себе подобного для того, чтобы было с кем поговорить в этой вечности одиночества? И все вопросы будут так же по кругу. Вопросник предельного познания настолько клиширован и стереотипен, что странно, что за последние 5 000 лет его никто не систематизировал. Воистину, человеку свойственно быть мистиком – все от нас, от вышестоящего, другого, иного... К храбрости ли познания я призываю? Да, пожалуй. К тому, чтобы все-таки жить, но жить за гранью жизни, прижизненно умершим, по правилам и образам сотен тех, кто преодолевал эту черту. В этом смысле проектирование социальных систем в некотором роде – упорядочивание жизни избранных. Технология к тому, чтобы создать носителей знания, переживущего само знание об избранных. Пусть отрицание и безверие ваше не пугает вас, ибо это не есть вы,

но некоторое орудие для вас, и то, что может помочь вам. Любой аффект бытия есть услуга Богам, ибо Боги есть смыслы ваши, такова вера любых избранных. И пусть не пугают вас свидетельства и не заронят в вашей душе сомнения, ибо так должно быть с вами. Кто не человек?

Наше знание даст только одно – знание уверенности. Вы же послужите истиной.

6

Как уже было неоднократно сказано, человек пребывает в вечном противоборстве противоположностей – идеального и реального. Это было отмечено с тех времен, как люди выдавали сны за реальность. Рано или поздно в человеке наступает противоборство действующего и мыслимого. Эта грань не сотрется в человеке уже никогда, пока он заново не обратится в животное. Совпадения мыслимого, воспринимаемого путем бесчувственным, образностью, и налично заданного сообразно мыслимому не произойдет никогда. Редкие моменты этого (победы на олимпийских играх, выигрыши в играх, оргии, оргазмы и прочее) – ничто в отношении вопросов знания. Жить в этом пределе нельзя, к нему можно только стремиться, и потому жалок каждый, радующийся счастьем ужаса преодоления и достижения.

Нам уже никогда не вернуть эллинства, радости жизни в торжестве над смертью от голода, от рук врага, от любви. Мы уже никогда не вернемся в те времена, но мы можем создать нечто новое, столь же прекрасное, как преодоление мифов тотемности, путем замены собственности духа отношений с богами. Мы можем создать новую религию, создать ее не торопясь, не обращая внимания на соотечественников, постепенно, настолько уверенно, чтобы никуда не спешить. Но не наполнять ее собственными страхами и плодами сво-

его размышления, которое в особенности теперь не имеет никакого значения в эпоху вечных великих перемен. Но сообщить главное – свой опыт преобразования, там, где смог один, там смогут и другие встречные и подобные ему. Такова идеология аристократии и всех тайных обществ, но они себя, увы, разбазарили и растранижили, в том числе и на политической сцене. Но есть ли у нас, у таких людей содержание, которое было бы возможно передать не только личным примером? Этому шансу содержания и посвящаем мы нашу работу.

Переходы идеального, что в своей сущности и составляет бытие человека в реальном, преобразование этого мира, вне зависимости от источников познания прошлого сквозь содержание этих источников в современном. Как сделать такое государство, чтобы каждая кухарка в нем могла управлять? Лучше сделать такое содержание человека, чтобы каждая кухарка могла стать человеком и решила, стоит ли ей его преодолевать, и что в нем необходимо преодолевать, и ради чего преодолевать.

Я не говорю о критике, и никто не взывает к критике. И нет во мне морали ни на йоту, кроме того, о чем я договорился с людьми, но каждый из вас должен понимать, что это путь в одну сторону. И даже если вы со всем согласитесь в чтении, но ничто не затронет душу вашу в действии, и ни одно действие не принесет вам пользы, то надо искать свой путь и свою религию. Ибо имя нашей религии неизвестно,

и кроме Бога, нет никого, но не с Богом, потому уже только, что известен он нам из самих себя и из Писания, которое есть для нас форма снятия сомнений. Ибо каждый из нас может пребыть монахом Бога, но не станет от этого меньше убиенных в мире, ибо Бог не разделяет нас, а говорит с нами, ожидая ответа. И поэтому источником Бога, познания Бога, мы выбираем прежде всего Писание, но истиной о Боге – самих себя. Фонарь для собирающегося в путь готовим мы, и об этом эта книга. Ибо мирская жизнь суета и потеха, но если встал ты на путь Бога, то нет тебе ни суеты, ни потехи, и потому такая жизнь есть такое же познание, как и соблюдение Писания, предписаний его. Мы не живем суетой и потехой, и ни Ему ли не знать об этом. Во славу Бога призываю я Вас в Путь.

Абстрагируясь от текстовки как формы понимания того, что хочешь выразить, следует четко определяться в предмете исследования. Итак, человек. Как задан он нам в познании? Через религию как форму выхода за грань человека. Как еще? Опытность. Это то, что открыло естествознание. Когда совершенно необъяснимое и заданное тебе исключительно в опытности познания становится подчиненным понятию тобою из опытности, совершенно близок к тому, чтобы привить этому новому знанию форму управляющего начала исследованной опытности. Но знание как таковое, в том числе добытое экспериментальным путем, наукообразное знание, по сути своей представляется все тем же бытием в возмож-

ности, которое проживает свою жизнь и свои циклы согласно законам перехода возможного в действительное. Поэтому эксперименты в области человеческого, результатом которых была уверенность знания о том, что человек теперь сам в состоянии жить и управлять собою в отсутствии божественного, Бога, так же не увенчались на практике успехом. В итоге, сегодня человек может и знает о себе в несколько раз меньше, чем при управлении им религией. Творческие прозрения гения Великих реформаторов не удалось привить народу. Новая религия – психоанализ, так же не справилась с задачей познания человека. Но первым шагом на пути познания человека в отсутствии критики современного, является понимание различия между людьми в протяженности времени и их идентичности в той же протяженности. Безусловно, какие-то вещи нас в той же степени отвращают от людей прошлого, как и те вещи, которые позволяют нам устанавливать духовную связь и видеть подобие в героях Иллиады. Таким образом, начальная классификация представления о человеке по основанию *встречности и подобия*, протяженная во времени, может приоткрыть нам завесу над тем, что есть человек, как неотъемлемая часть любой социальной системы. Человек в социальной системе является как воспринимающим звеном, так и подчиненным звеном архитектуры социальной системы, воспринимаемым в своих проявлениях. Поэтому, как бы взаимоисключающе не были две эти общие позиции, без их форматного анализа обойтись

нельзя.

Сложность задачи весьма часто компенсируется простотой ее решения. Встречность и подобие – основополагающие принципы бытия человеческого. Но они весьма просты, чтобы в них увидеть фундаментальность. С трудом можно предположить, что все то многообразие мира, которое застаёт исследователь в момент прозрения и познания, может быть уложено в прокрустово ложе двух этих оснований. Вместе с тем предельное познание может выделить только эти два основания для бытия человека как социального животного. Именно они формируют сходство и отличие, в основе которого затем подстраивается вся гамма человеческого. В самой предельности встречное отнесено к области действительного, в то время как подобное, сообразное – к области идейного, бытия в возможности. Мы с трудом можем представить себе что-то, не существующее в области образности. Даже те сферы научной деятельности, которые работают с материалом, который невозможно воспринимать с помощью органов чувств, прибегают к наглядной аналогии, не говоря уже о средствах выражения, заложенных непосредственно в языке. В русском языке есть хорошее выражение, подчеркивающее этот момент познания при выражении полного несогласия: «это что-то невысказанное, непостижимое». Мир идеи условно можно разделить на:

– Совокупность знания групп индивидуумов в течении их существования (профессии, народности, сферы деятельности, семья и подобное);

– Отдельное творческое, преобразованное представление индивидуумов;

– Область возможного для восприятия бытия в возможности вне временного континуума (все то знание, которое унаследовано из прошлого и хранится в различных носителях, начиная от музеев и библиотек и заканчивая сказками на ночь).

Третья группа однозначно шире первых двух в любом случае. Она есть результат взаимодействия с объектом познания (бытием) любого представителя рода человеческого, любого, кто способен к перцепциям и ретрансляции их результатов. Это в предельности то знание, которое составляет круг подобия, в том числе и в форме знания о не знании. Как правило, заглянуть за этот круг может только творческая личность, которая сама создает то, что ранее не существовало, и вот тут то она и сталкивается с тем, что все, ею созданное, не встречно и не подобно ничему из того, что составляет подобие человеческого. Церберы третьей группы, например, в виде ученых, занимающих высокие должности в титульном знании той или иной области, так сказать, «не признают» новой формы подобия, что может стоить жизни их создателю. Но такова ситуация практически в любой области человеческого, просто в творческой среде, связанной с формировани-

ем полноценного носителя бытия в возможности, она более наглядна. Там, например, где носителем нового бытия в возможности является не результат деятельности самого человека, а сам человек (политика, отношения власти), антагонизм еще острее, как в области средств и орудий конфликта, так и в отношении предания анафеме нового бытия в возможности и его возможных последователей.

Каждая из групп может быть классифицирована на подвиды. Это возможно сделать применительно к самому проектированию той или иной социальной системы. Но основное в том, что человеку свойственно относиться враждебно ко всему тому, что не охватывается его содержанием бытия в возможности, а следовательно, не является ему подобным. Любопытство же возникает только в том случае, если антиподобное не встречно человеку познающему, то есть представляется ему нейтральным с точки зрения возможности реализации, но при этом вполне доступным в области проникновения в бытие в возможности (приобщения), при том условии, что только от познающего зависит, приобщаться ли к данной системе, и организовываться ли в соответствии с содержанием ее бытия в возможности.

Важность идеального в исследовании социальных систем абсолютна. Это только на первый взгляд может показаться, что такая категория, как бытие в возможности, бытие мысли, – сопутствующая, а не определяющая. Именно разница между кажущимся и действительным породила разницу

между материалистами и идеалистами. Эволюция философской мысли в той же степени стихийна, что и образование горных рельефов в природе. Идеалисты утверждают, что дух и не материальная составляющая управляют и определяют мир. Это правда, как и то, что если не спать несколько ночей, не есть, и принимать психотропные вещества – все бытие плоти будет сведено к раздражению и самым болезненным ощущениям. Мысль как таковая есть сопутствующая составляющая человеческого. Даже такое понятие как здоровье – именно понятие, и не относится к области материального. Человек, который смертельно болен, но не знает этого (например радиация, СПИД, рак) существует абсолютно нормально до тех пор, пока не узнаёт о своей болезни и неотвратимости условно прогнозируемой смерти. И именно с этого момента наблюдается полнейшая дисфункция сцепления бытия в возможности с действительностью, мысли с ощущением. Таким образом, понять важность бытия в возможности относительно действительного можно только в области расцепления мысли с областью налично заданного. Творческий человек, человек, терзаемый сомнениями, человек стадии выбора из не вполне ясных ему противоположностей – первый из тех, кто может приобщиться к пониманию важности однополярного представления о действительном. Многоликость мысли о действительном там, где действительность требует однозначности, там, где речь идет о предельности понимания жизни, а потому является фундаментальностью –

тяжкое бремя для человеческого. Ни одна социальная система по наиболее острым, актуальным для себя проблемам (зависит от конфигурации), не потерпит многозначности по таким вопросам. Появление монорелигий во многом объясняется именно этим, если смотреть на религию (а не на Бога), как на средство управления народом. Когда отправление культа *многим богам* становится обременительным для светской власти, когда появляется множество субъектов, которые начинают рваться к политической власти, утверждая, что они сторонники того или иного бога, которому мало оказывается почести, и именно поэтому в государстве та или иная ситуация ухудшается, и так далее, тогда политическая власть осознает свою несостоятельность перед религией. Именно тогда возникает идея не множить богов, умножая тем самым приемлемые формы социального поведения служителей культа, а ввести образ *единого Бога*, сведя культ и послушание Богу к минимуму, решив все наиболее острые и глобальные вопросы, сняв тем самым противоречия. Далее мы рассмотрим такие социальные системы, как христианство, античность, ислам и прочие, где подробно проанализируем как менялось в них мировосприятие. Но простой вывод, иллюстрирующий механизм бытия оснований встречности и подобия, можно сделать уже сейчас. Многобожие требовало подобности всех (бог – абсолютная величина) образам и соответствующим комплексам действий, которые подчас взаимоисключали друг друга, и от субъективности ар-

битров (священников и правителей) порой зависело, кому отдать предпочтение в конкуренции культов, что тормозило естественное развитие и активно влияло на сферу различных интересов, в то время как монорелигия позволила привести множественность оснований (которые были ранее хаосом превращенным в стабильность) к единому знаменателю, что, несомненно, конкретизировало основание подобия и упростило как политическое управление, так и дихотомию познания Бога. Инструментарий нам так же известен – текст. С учетом того, что ранее текст служил целям, во многом более значительным, чем сейчас (запись договоренностей, законов, истории), это, несомненно, была социальная революция в области государственного управления, да и в области управления вообще, явив нам совершенно новую форму организации социальной системы. И это только потому, что человеку стало жить спокойнее и проще, когда он стал понимать, чему необходимо быть абсолютно подобным.

Принципы подобия и встречности, разделенные на формы и формулы, могут быть очень хорошим средством и отличной формулой в построении фундамента любой социальной системы.

Размышляя о человеке, нельзя совершать ошибку и включать в это размышление себя и свое знание о нем. Бог, и познание человека через Бога является по-прежнему единственной конструктивной точкой зрения, выводящей нас за круг человеческого и позволяющей не быть человеческо-

му в наших рассуждениях слишком человеческим. Любая иная позиция сделает нас либо субъективными и подобными тиранам, издающим глупые законы, либо безумцами, знание которых не будет представлять ценности ни для кого, а для нас всегда останется вечным сомнением. Есть еще и пример старика Ницше, но он слишком героический, и не применим ни к чему более, как только к эстетике наслаждения тем, на что способен отдельный человек. Впрочем, о Ницше, фашизме и XX веке еще многое будет сказано в этой работе.

Ранее вообще Бог был даже для неверующих – данностью и реальностью. Все в мире было связано с божественным, в особенности мудрость и знание, помогавшие пережить порой самые тяжелые времена. Неверие было формой отрицания, превозмогания, обиды, и формой отрешения при полном упадке социально-полезного содержания в человеке. Атеизм, как форма мышления, как форма опознавания мира и основание для увязки мира вокруг с миром в себе, возник только в Новое время, и не оправдал себя как форма разрушения оснований единого подобия.

Дело в том, что человеку свойственно верить не потому, что так задано его природой, а лишь потому, что символизация, как следствие многократности повторения, предполагает известное количество оснований для транспортировки общих отвлеченных форм бытия в возможности в область личной ассоциации, личного мира человека. Единый Бог как создатель всего и хозяин всего является универсальным ос-

нованием для подобия, для разделения вещей на принимаемое (встречное) и отрицаемое (не встречное, враждебное, параллельное). Это неимоверно упрощает восприятие хаоса, систематизируя его относительно человека как во времени, так и в пространстве. Атеизм же предполагает необходимость человека руководствоваться собственностью представления ежедневно, формируя с течением времени собственность подобия и опыта. Неважно, будет ли она коллективной, индивидуальной или глупой. Задача такого человека – сформировать в своем представлении область приемлемого (подобие). При этом можно оказаться в ситуации Раскольникова, то есть не вынести эксперимента по формированию того, что приемлемо, не пройти чистилище представления, а можно оказаться и в роли винтика государства, персонифицировавшись в государственном представлении того, что является приемлемым и должным, лишившись воли. Таким образом, подобие и встречность в балансе социальной системы можно, пожалуй, соотнести с категориями Артура Шопенгауэра – представление и воля. От того, как соотносится встречность и подобие, каковы их содержательные аспекты, зависит та или иная конфигурация субъектов социальной системы, а, в конечном счете, и сама социальная система.

Следует всегда учитывать, что человек сам по себе ничего не стоит. Он не есть система. Он система для себя самого, но это не представляет никакой ценности в условиях отсут-

ствия какой бы то ни было коммуникации. Тот же Робинзон Крузо является формой воспроизводства общества на своем острове, он находится в области коммуникации с обществом в своем ежедневном стремлении продлить свою жизнь, спасти себя. Это коммуникация надежды, это коммуникация возможности. Это жизнь ради спасения. То, что общество не слышит этой коммуникации, и он проводит свою жизнь на необитаемом острове год за годом, – это форма, оболочка реализации социальной системы в вечности, в наличной заданности, в материи, но сама система при этом не меняется. Иными словами, Робинзон Крузо остается участником цивилизационного процесса, находясь в изоляции. Это прекрасный пример работы системы.

Но сам по себе человек, лишенный содержательного слоя, начиная с языка и заканчивая возможностью представляться и опознаваться другими субъектами, как встречный и подобный воспринимающим субъектам – ничто. Это прекрасно проиллюстрировано на отношении к сумасшедшим, которые полностью утрачивают социализацию. В Древности их убивали, сегодня – положение не многим лучше.

В философском плане, как и в палеонтологическом, сам по себе человек не способен выжить в одиночестве. Именно поэтому ранее изгнание было формой наказания, как сегодня пожизненное заключение. Человек интересен и выживаем только коллективно. С этой точки зрения совершенно верными были те социальные системы, которые обожествля-

ли коллектив, нацию, общность. Но это только первые шаги в области разумности проектирования социальной системы. Можно сказать, что с эволюционной точки зрения – это рождение возможности сознательной управляемой изменчивости социума, которой только предстоит развиваться в отрезки исторического времени. Уровень технического решения математических задач, в особенности с развитием бинарной математики в последние 70 лет (компьютеризация) позволит символизировать то, что ранее объяснялось и доводилось силами обучения. Точно то же в свое время сделал Стагирит, придумав формализацию того, что было очевидным. Но вот уже 200 лет как очевидно, что логическое построение социальных систем ущербно. Необходим новый метод, новый органон структурирования. И пути на самом деле два. Либо это заморозка социума и его возвращение к тому уровню материально-технического развития, где работают законы логики, и именно эти законы могут быть основой для формирования достаточного уровня разумности, позволяющего управлять социальными процессами, либо формирование нового инструментария. При этом следует избегать всяческих гениальностей и прочих социально-полезных девиаций. Речь идет именно об инструменте, основным качеством которого является то, что без движущей своей причины (пользователя) он абсолютно не функционален, но и пользователь может получить функциональность только с помощью этого инструмента, и никак в отсутствии него. Самостоятельная

жизнь вещи, инструмента, не предусмотрена.

Подобные инструментарии познания необходимы именно как функциональность уже потому, что на протяжении всей истории человека формирование неопределенных идеальных реальностей было заданной константой развития (образы, мифология, религия). Причем мифологический тип мышления, когда центр идеального помещен в самого человека как субъекта управляемого и воспринимающего миф, характерен именно для тех периодов истории, когда централизованное управление замкнутой социальной системой самого масштабного типа (государства) испытывает кризис. Любая философская система может с течением времени, благодаря бытию в той или иной социальной системе, претерпевать коррозию, вплоть до формирования из самое себя мифа и структурирования соответственно мифологического типа сообщества. Именно поэтому понимание методологии как инструментария и не более весьма важно для целей настоящего исследования.

8

Изменять – всегда означает действовать и видеть явление в таком свете, чтобы понимать его экзистенцию, сущность того, что обеспечивает его бытие, это означает всегда наносить удар в самое сердце системы. Все, что не убивает систему – делает ее сильнее, осведомленнее, иными словами, развивает ее, адаптирует к форме активного знания о незнании. Чтобы изменить, надо понимать, что все в системе сцеплено таким образом, что нарушение именно этой связи убивает системность. Очевидно, что система существует в нескольких формах бытия, учет которых необходим, так как все они – проявления той сущности, которую и необходимо разрушить в каждой форме такого существования.

Лучше всего данный тезис могут пояснить примеры преобразования мира на основе религии. Еще раз отмечу, что само по себе отрицание Бога как управляющего начала бытия подобно заявлению малолетнего ребенка своим родителям о его полной самостоятельности и независимости, это прямой путь к жизни полной страданий и только.

Западному человеку Бог ближе всего в costume христианства. Немногие разделяют доктрину Освальда Шпенглера о том, что было три разных христианства. Первое как знание, учение, идея, носителем которого был Иисус Христос и его ученики (в той или иной степени), второе как общественное

учение, идеология группы, гонимой и преследуемой повсеместно (христианство до императора Константина), и наконец, христианство как государственная религия. Пролонгируя подобную форму рассуждения в связи с популяризацией и конституционным закреплением идеи светского государства, можно признать, что существует и четвертое христианство – *primus inter paris* в прошедшие 150 – 200 лет. Все гениальное со временем становится очевидным, и Шпенглер был абсолютно прав в своем утверждении. Но мы постараемся заглянуть и проникнуть в его мысль, используя доступную нам методологию.

Познание явления возможно через анализ его парадигмы бытия. Парадигма бытия включает в себя структурный анализ по четырем причинам бытия Аристотеля, динамический анализ по энтелехии (то, как располагаются причины относительно друг друга), структурный людологический анализ, проработка взаимосвязи процессов, взаимодействия парадигмы явления с другими явлениями.

Прежде всего, парадигма христианства представлена нам в ее историческом результате развития, что с успехом отметил Шпенглер. Очевидно, что христианство прошлого относится к христианству настоящего как форма зарождения, рождения, развития, управляемого развития и так далее вплоть до наших дней. Сущностью данной парадигмы является ее форма. Можно отметить, что сущностью любой религии-сообщения является ее формальная причина, а не содер-

жание. Это качественное отличие от мифа, где формальная причина всецело и изначально схвачена и помещена в область обрядовой ритуальности и тотемности, культа, а основанием для сходства и различия одного мифа от другого выступает именно содержание. В религиях-сообщениях, наоборот, содержание практически не имеет значения, но формальная сторона парадигмы определяющая, именно поэтому процесс ответвления и появления новых толкований весьма значителен. Не следует понимать под формальной причиной то, как религиозный культ обставляет свое бытие во времени и пространстве, христианские церкви в этом отношении – лишь наследие традиции многобожия Рима (использовали остатки материально-технической базы олимпийских Богов). Речь о другом.

В мире человека сходство и различие, в основе которого лежит сущность воспринимаемого, определяется разницей качества, а иногда и уровня бытия в возможности исследуемого объекта. Бытие в возможности полностью совпадает и является в замкнутом анализе самой парадигмы целевой причиной бытия. Неизвестно почему, но бытие в возможности с необратимостью стремится быть реализованным в область действительного. Такова природа человека. Любая мысль, которая схватывает интерес в человеке, купирует его на себя, соотносится в нем с достаточной степенью подобности и встречаемости, приобретает для него желательность для реализации. И это весьма важно, так как бытие в возможно-

сти становится целевой причиной только тогда, когда бытие в возможности становится содержанием мыслительной деятельности индивидуума, соответствует его интересам, уровню действенного содержания встречаемости и подобия. Этот важный аспект у Платона является первоисточником Бога. Чистые эйдосы бытия «хранятся» и принадлежат Богу, а люди способны лишь видеть их воплощения, и сами в той или иной степени пытаться их реализовать, например, путем искусства скульптуры. В целом же бытие в возможности первоисточника и бытие в возможности целевой причины любого другого участника необходимо различаются в объеме как большее к меньшему. При этом сам первоисточник в своей предельности анализа является так же человеком, даже если не является собственником бытия в возможности. Мир работы с социальными системами – это мир работы с продуктами жизнедеятельности, как бы ни хотелось допустить обратное (теологическая концепция происхождения государства, например). Христос, как раз и являлся тем человеком, который был первоисточником бытия в возможности, которое в дальнейшем составило целевую причину христианства, сначала для его учеников, затем для Организации в целом. Целевая причина бытия имеет так же еще один признак. Она есть предтеча действия. Если само по себе бытие в возможности может быть законсервировано на достаточно продолжительный срок без ущерба для своего содержания – например, рукопись которая вполне устраивает автора (труды Ари-

стотеля пролежали 150 лет в подвале), то целевая причина, как бытие в возможности, прошедшее путь от первоисточника к воспринимающему, составляет необходимость деяния. Мысль запускает процессы. Здесь лежит принципиальная методологическая разница в технике приобщения к области бытия в возможности. Само по себе написание и само по себе письмо является формой структурирования бытия в возможности относительно способности к его познанию со стороны третьих лиц. Доведение текстов, как текстов, до третьих лиц и приобщение их текстуальным образом к бытию в возможности, пусть даже по определенным правилам, безусловно имеет действенное значение, но не определяющее. Дело в том, что в текстуальном плане бытие в возможности всегда остается самореализованной относительно самой себя парадигмой, в которой присутствуют все четыре причины бытия, составляющие бытие. Это отдельная парадигма текста. В тексте целевая причина практически на 100% совпадает с материальной (результат реализации), формальная представлена самим текстом, его оформлением, правилами обращения, допуска к нему (поэтому, например, так изошренно регламентировано чтение Корана и других священных книг, документов, содержащих государственную тайну и так далее). Движущая причина представлена с одной стороны автором, с другой – читателем. При этом соответственно относительно автора существовала в свое время одна формальная причина (написание), которая в парадиг-

ме привела к материальной (текст); для читателя в процессе чтения существует совершенно другая формальная причина – включенность в процесс чтения, окружающая обстановка. Любопытно, что текст в виде книги (элемент, составляющий формальную причину чтения) до сих пор остается наиболее действенным и надежным способом включения в парадигму авторского текста неограниченного числа лиц (нет зависимости от электричества, нормального функционирования сети глобальной коммуникации и так далее). Процесс чтения можно усилить игровыми элементами, назвать его оглашением (например, приговора суда, хотя, в сущности, это простое сообщение представителя государства о том, что последнее думает по этому поводу), или сообщить необходимые требования к чтению (Коран в Исламе), либо регламентировать во времени и пространстве (пьеса в театре), либо сделать из него коммуникацию с Богом (христианство). Книга соединяет в себе таким образом три парадигмы бытия, увязывая их относительно одного и того же времени и пространства читающего, позволяя при этом преодолевать время (между автором и читателем, временные провалы реализации текста самого читающего, некоторые читают книги десятилетиями), пространство (распространение тиража), и все это без потери качества перехода бытия в возможности в действительность. Но при этом авторский контроль сводится лишь к тому, чтобы последовательно донести *видимое бытие в возможности* до формы текста. В некоторых случа-

ях править сам текст для автора не представляется возможным, – так, в сущности, возникла современная юриспруденция, как право Римского Сената толковать текстуально записанные традиции, обычаи. В Исламе до сих пор толкование Корана имеет огромное значение. Именно поэтому самым эффективным способом для формирования целевой причины у не-носителя бытия в возможности (а при вновь создаваемом бытии в возможности это всегда так) является личное общение. Специальные службы государств до сих пор это понимают и используют, ведь заочно перевербовать человека нельзя. Иными словами, если мы говорим о структурировании социальной системы (при том, что один человек, включенный в общественные отношения сознательно, это уже социальная система), тексты как таковые не годятся, они лишь один из инструментов. В условиях же ограниченных возможностей (отсутствие ресурсного административного аппарата, подавляющая безграмотность населения, враждебность по отношению к тому бытию в возможности, которое будет составлять суть учения), это мало эффективный инструмент. Личное общение позволяет структурировать и управлять сознанием объекта воздействия непосредственно, включая его в область совместного бытия. Передача бытия в возможности здесь носит прямой и подконтрольный характер. Усиливающими ходами является не просто беседа а сосуществование, которое само по себе дает возможность удачного воздействия на сознание человека (снимает фак-

тор случайного воздействия, которое может помешать беседе, позволяет регламентировать область восприятия – «сытое брюхо к учению глухо», формировать цепь простых доказательств и так далее). Данный принцип в его неуправляемом понимании широко используется в современных социальных системах – армейской службе, корпоративной культуре, семейных отношениях и так далее. Единобытие во времени и пространстве, даже в случае его насильственного характера (тюрьмы, например) с необходимостью продуцирует особенности восприятия у любых субъектов единобытия, с любой степенью численности и деления (начиная от разведгруппы, заброшенной в тыл врага, и заканчивая самобытностью народов). Понимание этого и уяснение сущности формирования таких особенностей, управление ими, позволяет с достаточной степенью управляемости осуществлять формирование необходимой целевой причины из доступного бытия в возможности. При этом Единобытие является первым шагом к этому, но отнюдь не единственным и достаточным основанием. Единобытие – это область формальной причины, ограниченной содержанием деяний, временем и пространством, на его основе возможно создавать усиливающие конструкции, как поведенческого плана, отграничивающие и усиливающие изоляцию группы, так и типа общей принадлежности (ярчайшие примеры XX века – национал-социализм и большевизм).

Перед посланником Господа, Иисусом Христом, стояла

вполне конкретная задача – донести истину людям. Бытие в заблуждении относительно жизненно-важных ориентиров ведет только к одному – самоликвидации, где внешней силой, с которой связывают все напасти, являются продукты собственной жизнедеятельности. На самой сбалансированности христианства как социальной системы, мы остановимся чуть позже.

Арсенал средств и методов Христа был весьма ограничен. Он столкнулся все с теми же факторами препятствия. Две тысячи лет назад текстуальное изложение чего-либо носило в высшей степени сакральный характер. Это особенно касалось иудеев, как людей, организованных по типу Восточной Деспотии, где письменность служила задачам именно государственного управления, фигура писца всегда публична, это служитель власти, действия которого не служат целям праздности, а фиксируют и обеспечивают коммуникацию между правителями и управляемыми. Если в Риме к тому времени каждый гражданин Рима владел возможностью письма, письменность приобрела форму абсолютной коммуникации вплоть до памфлетов и анекдотов на стенах общественной бани, то на Востоке, в частности в Палестине письменность по-прежнему служит исключительно задачам государственного управления, является особым навыком, обеспечивающим и составляющим сущность отдельной профессии, должности. Поэтому многоходовая комбинация последователей Иисуса, одним из основных элементов которой

являлась личная проповедь в районах, подобных Палестине, и переписка с теми регионами, где уровень грамотности был на надлежащем уровне, – весьма удачна. Одним словом, по причинам, описанным выше, и в связи с безграмотностью иудеев, Христос понимал, что поставленные цели и задачи одним формированием текста, подлежащего к распространению, не выполнить. Возможна ли была позитивная критика Ветхого Завета, пересмотр его текста с тем, чтобы указать на заблуждения, и таким образом привести к истине? Так же маловероятно, так как толкование Священного писания, культ в отношении него, всецело составляло прерогативу священнослужителей. В культуре того времени священнослужитель, жрец – лицо, управляющее силой убеждения. Если сегодняшняя государственная власть узурпировала и убеждение, и принуждение (СМИ, меритель технических и правовых стандартов, владелец и управленец аппарата принуждения), то в древней культуре государственная власть, а особенно власть Военной машины, которой был Рим, покоилась на принуждении, культе силового превосходства. Конкурировать с Римом в данной области Иисус не мог. Иными словами, поднимись весь иудейский народ на восстание, это не дало бы никаких результатов, кроме полного военного поражения иудеев. Таким образом, путь к Ветхому Завету, как с точки зрения лиц, его обслуживающих как текст, так и с точки зрения целесообразности его использования (против мироустройства выраженного римским

протекторатом), был лишен своей перспективности (не забудем, истина вечна) в масштабе поставленной задачи. Что оставалось Иисусу Христу? Как ему было выполнить свое предназначение? Молиться? Но нет еще ни культа, составляющим элементом которого является снятие напряженности верующего, управление им, ни понимания кем-либо, кому молишься и зачем. Было только одно – понимание, знание истины, была задача от Бога, миссия. Ну и конечно, неизбежное. Иисус понимал, что если он не выполнит того, что составляет его сущность как посланника, он умрет, и последнее, что потревожит его перед смертью, будет знание того, что он не справился. Истина обременяет. Можно было бы развлекаться, как все философы нашего времени – убивать себя медленно всю жизнь депрессиями и алкоголем, но не забудем, речь идет о Палестине, весьма строгом и весьма регламентированном государстве. Для носителя бытия в возможности, которым обладал Иисус Христос, а это бытие в возможности было бытием Бога, знанием о Боге, степень давления на личность предельна. Бытие в возможности с необходимостью реализуется в действительность. То знание, которым обладал Иисус, жаждало своей реализации. Человек ничто перед волей Бога. Постепенно, с течением жизни Иисуса знание Бога сделало из Христа носителя бытия в возможности Бога. Вся его жизнь, все его действия стали подчиняться бытию в возможности, которое было в нем. Все, противное этому, ему, его природе, не могло быть сопоставлено его

мышлению, не входило в его круг исполнения, и потому было чужеродно ему. Какова была профессия Иисуса? Чем он зарабатывал себе на жизнь до 32 лет? Жизнь Христа – это жизнь орудия Господа, жизнь человека, понимающего, что путь, который ему предстоит, займет всю его жизнь. Он понимает, что до конца жизни он никуда не денется от того, что знает; каждое мгновение лености, простоя, неуверенности в себе, внутренних поисков – мучительная пытка. С одной стороны, он, знающий, как должен быть устроен мир, понимающий всю пагубность сегодняшнего состояния миропорядка, но лишенный всего – профессии, которая открывала бы ключ к институтам власти, денег, которыми можно было бы открыть многие двери, знатного происхождения, которое бы давало возможность статусного участия в коммуникациях... а с другой стороны – целый мир, сотни тысяч людей, армия, стражники, могущество, многовековая история, все... и каждый раз мир действительного, окружающего тебя доказывает тебе, что он может стереть тебя с лица земли либо руками человеческими (разбойное нападение, голод, нужда, просто случайная смерть), либо по воле Господа (люди просто внезапно смертны). Что делает Иисус? Он проверяет отношение Бога к себе. Он скитается по пустыням, по миру пустых идей, до тех пор пока не понимает, что ничто его не убивает, но делает только сильнее в его вере (ах, как Ф. Ницше понимал Иисуса Христа). Он испытывает отношение Бога к себе, и нигде Бог не покидает его, нигде страдания

тела, голод и нужда не становятся острее тревоги его предназначения, ни ради чего на свете Иисус не готов отказаться от Бога, и ничто на свете не мешает ему быть с Богом. Но везде он наталкивается на то, что вызывает в нем негодование, ибо ничто из того, с чем он сталкивается, не устроено согласно его знанию. Жизни явно не хватит, чтобы переубедить всех и каждого, чтобы до всех и каждого донести неправоту его позиции, обратить в веру, даже если потратить всю жизнь на личное общение, то для того, чтобы поговорить с каждым жителем Палестины, уйдет несколько сот жизней. Бытие в вакууме знания об истине с течением времени становится нестерпимым. Доступа к системам, проносящим бытие в возможности через пространство и время (книгопечатание), тогда еще не было.

Нетрудно догадаться, что единственным выходом для Христа было формирование собственной управляемой социальной системы. Практика проведения диверсионных мероприятий в современный период времени показывает, что максимальная эффективность разведгруппы достигается при численном составе 7- 8 человек, включая командование группы. Боеспособность группы зависит от множества факторов, но первым из них является непосредственная управляемость группы, с точки зрения знания командованием психотипов членов организации, предельных интересов и возможностей. Командир должен знать, за что умрет боец, за что не умрет, каковы его слабые и сильные сторо-

ны. В условиях оперативной работы, не исключаяющей фактор предательства (действие не в полевых условиях, а например, нелегальная гражданская агентура), немалую роль играет возможность непосредственного поведенческого контроля. С учетом уровня развития медицины в Древней Палестине, высокой смертности населения, состав учеников Иисуса Христа был количественно больше, но в целом он соответствует критериям, которые есть и в современное время. В то же время, если исключить тот факт, что апостолы не занимались специальными силовыми акциями, а всего лишь проносили учение через время и пространство, то есть занимались деятельностью, направленной на познание, то следует отметить, что история современности, выраженная в форме такой конструкции познания, как суд присяжных, наилучшим образом зарекомендовала подобный численный состав.

Первой задачей для создания своей социальной системы является приобщение сознания ее участников к бытию в возможности, которым обладаешь, формирование из него целевой причины бытия их жизни. Как мы видим, это было с успехом достигнуто Иисусом. Апостолы не разбредаются по домам и встречаются регулярно, они всегда вместе с Христом. Он получает доступ к жизни этих людей. Сам образ жизни, и это важно, преодолевает пространство. Иисус понимает, что в дальнейшем преодоление времени будет задачей, тесно увязанной на выживаемость (ни одна вечность

не длится дольше жизни человека), а выживание в условиях террора и гонения будет обеспечиваться мобильностью подразделений (кочевой образ жизни). Поэтому его группа не привязывается к домам, имуществу, ценностям (да и не имеет пока к этому прямой возможности), но неизменным остается ее сплоченность, единобытие. Нет штаба, все ресурсы находятся при ее членах - все свое ношу с собой. Жизнедеятельность группы обеспечивается получением радости (принцип удовольствия). Ничто не приносит большей радости человеку, чем познание, уверенность в том, в чем он хочет быть уверенным (что он самый любимый, богаты, умный, сильный и прочее), в архаичной культуре это тем более развито. Апостолы Иисуса в своей повседневной жизни лишены какой-либо радости подобного рода, они, подобно Сизифу, заняты только одним – «камнем выживания», где каждый новый день заставляет только задумываться о дне следующем. Излишки производства у них не образуются в том количестве, чтобы позволить себе праздность и, в конечном счете, приобщение к философии и так далее. Вместе с тем Иисус открывает им мироустройство, познание которого не только меняет их мир, но и в этом мире их бытие становится благополучным, радостным, без потери навыков к выживанию. В то же время есть сброс балласта – не надо больше кормить собственные семьи, родителей, платить налоги и так далее (Христос сам, давая пример, отрекается по существу от матери своей и брата своего прилюдно). В условиях

архаичной культуры человек мог прокормить себя натуральным хозяйством, элементарными функциями охоты и собирательства. Новая жизнь апостолов приносит им радость, что является немаловажным фактором. Так же не забудем о таких чувствах, как собственная значимость, чувство исполненного долга и так далее. Мы сейчас не анализируем содержание учения Христа, можем лишь пока отметить, что в свете учения христианства вышеизложенное вдвойне эффективнее.

Итак, группа сформирована. Она представляет собой замкнутую систему. Это классическая парадигма бытия. При этом отметим, что Христос не ставит в известность членов группы о своих ближайших планах, зацикливая их на самобытие. Численность группы ограничена возможностями управления и самообеспечения, масштабностью задачи. Что дальше? Представьте себе, что проведена проверка группы, все работает, каждый готов умереть за Христа, достигнут надлежащий уровень мобильности, выживаемости, сплоченности, но что же делать дальше? Потерять управление, расширяя численный состав? Подвергнуться эффекту «испорченного телефона», вступить в диспут с действующей властью? Ограничиться тем, что и дальше кочевать из города в город? Что?⁵

⁵ «Заметили ли вы, что только смерть пробуждает наши чувства? Как горячо мы любим друзей, которых отняла у нас смерть. Верно? Как мы восхищаемся нашими учителями, которые уже не могут говорить, ибо у них в рот набилась земля. Без тени принуждения мы их восхваляем, а может быть, они всю жизнь

Необходимо было сформировать надежную систему верификации положений Учения. Наивысшая форма проявления воли человека, согласимся здесь с господином Ф. М. Достоевским, – это смерть. Но не просто смерть в акте самоубийства от абсурдности мироустройства, как проявление воли отрицающей, разума, понимающего, что все суета сует и нет никакой разницы, – а именно процесс самоубийства, настолько долгий и настолько мучительный, что есть еще множественность шансов все прекратить и все закончить, все остановить, но воля проходит точки своего контроля до конца. У Христа было несколько шансов спастись от смертной казни. И при задержании он мог все отрицать, и на первом допросе у первосвященника заявить, что его неправильно поняли, и у прокуратора изменить показания, и у Ирода заявить о своей реабилитации, и обратиться к толпе, требующей его распятия. Но Христос не делает всего этого, он не ведет никакой защиты. Если Сократ пытался оправдаться и доказать, что обвинения против него есть в сущности недопонимание его учения, того чем он занимается, то суд над Христом – это часть плана самого Христа. Это про-

ждали от нас хвалебного слова. И знаете, почему мы всегда более справедливы и более великодушны к умершим? Причина очень проста. Мы не связаны обязательствами по отношению к ним. Они не стесняют нашей свободы, мы можем не спешить восторгаться ими и воздавать им хвалу между коктейлем и свиданием с хорошенькой любовницей – словом, в свободное время», – Альбер Камю «Миф о Сизифе: Философский трактат. Падение: Повесть/ Пер. с фр. С. Великовского, Н. Немчиной. – СПб.: Издательский дом «Азбука — классика, 2007 стр. 166—167.

явление такой веры и такой воли, которой не может быть наделен человек *обычный* (прибавим сюда автоматизм понимания обычности в то время). Это проявление Бога в нем. Это не сиюминутное желание расстаться с муками и броситься вниз, повеситься, – нет, это финал долгого пути. И с каждым шагом ситуация Христа, как подследственного, ухудшается, но взамен он получает то, что каждое его слово, сказанное накануне, на «Тайной вечере» превращается в предзнаменование, в пророчество, а необычность его поведения при телесных наказаниях, допросах, вызывает изумление и приковывает к нему внимание каждого участника процесса над ним. В мире, где *homo homini lupus est* появляется подсудимый, спокойствие и превосходство которого над государством обусловлено не психическим заболеванием, не неподсудностью его дела, а его внутренним знанием о том, что все, что происходит с ним и вокруг него, управляется им же. Ничто не ломает его воли, ни упрека, ни просьбы, ни слова в свою защиту. Только одно – молитва о тех, кто убивает его мучительной и страшной смертью. Проповедь с креста. И это не бравада закоренелого преступника, выкрикивающего проклятия в адрес своих палачей, отрицающего и доказывающего, это все та же кротость, что и ранее на проповедях среди толпы, это все та же ясность мысли, та же улыбка, те же истины. Где же сила государства? Где рычаги системы, которые позволяют управлять, если какой-то безродный сын плотника доказал, что даже над ним нет у Рима ни-

какой власти, и что бы с ним не сделали, он счастлив в своей Новой вере? Вера, которая дает абсолютную власть над Римом, против Рима! Христос в рамках своей судьбы продемонстрировал, что только Бог может иметь влияние на его судьбу, что только мысль Бога, только его откровения с Богом имеют значение при любых обстоятельствах.⁶

Стоит ли говорить о том, что такая смерть пробуждает любопытство по отношению к тому Учению, которое позволяет претерпевать такие муки именно таким образом? Легко, безбоязненно, с радостью? Сейчас это звучит кощунственно, но в архаичной культуре, дохристианской, отношения с Богом носят исключительно деловой характер. Жертва богам приносится именно как плата за что-то, во имя чего-то. Пожертвовавший и сегодня нередко предъявляет счет и жалуется на перипетии судьбы; а в то время жертва практически считалась «авансом успешности» (самая близкая аналогия сегодня - взятка по конкретному делу). Все было в плену богов, любое действительное истолковывалось мистически. Надо ли говорить, что принесение себя в жертву именно таким образом, с предвидением этого накануне и прочее, и прочее, с последующей медиатизацией этого события апостолами, заставляла задуматься о том, что такой «аванс» сделан ради намного большего выгодоприобретения.

⁶ «Не думайте о том, что Вы умрете, вы уже умерли, все, что мы можем сделать – это выбрать как мы умрем» – Гай Юлий Цезарь, типовое обращение к солдатам перед битвой.

Прибавим к этому последующий запрет Христианской церкви на самоубийство, обязательность присутствия священника при казнях в форме физических истязаний и расправ, доступность священника в больницах, тюрьмах и прочее. Религия не есть форма познания Бога, религия есть форма *причастия к Богу*.

Основывая новое учение, конкурирующее с правом определения меры должного и возможного, начиная от размера налогов и заканчивая мерой отношения к собрату, Иешуа обрек его на успешность, устранив для его последователей самое главное – страх преследования за его проповедование и причастность к нему. 95% составляющей наказания – виновность преступника. Нельзя наказать невиновного, наказание – это всегда отмщение. Вина – необходимая составляющая, как для терпящего наказание, так и для наказывающего, иначе это садизм, болезнь, отклонение. Систематические гонения на христиан в отсутствие к тому их какой бы то ни было формально-юридической виновности, сыграли роль развивающего фактора, так как они были изначально предусмотрены самим Иешуа. Каждый распятый христианин проходил путь Христа и получал при жизни точное знание о смерти, определенной смерти, превращая как и Христос свою казнь в коммуникацию с неперсонифицированным кругом лиц (тогда не было свободы митингов и собраний). Будучи по своей сути *религией надежды*, кооптируя в свои ряды наиболее массовую прослойку населения – ни-

щих, преступников, больных и так далее, христианство было конкурентно способнее любого известного к тому времени культа, требовавшего определенного имущественного ценза для любого, кто желал кооптироваться в него. Но, самое удивительное и гениальное было в том, что формальная причина бытия жизни христианина давала ему превосходство над предельностью влияния на него любого государства, ранний христианин не боялся быть принесенным в жертву, он желал этого. Христос точно уловил как организован был мир тогда – на страхе смерти от рук властей и на страхе Бога, поменяв два этих организующих начала управления, системно продемонстрировав, что власть не имеет над ним никакой власти, а *Бог есть любовь, а не страх*, Христос изменил социальную систему, христианство затем ее заменило. Прекрасный пример проектирования социальных систем.

Теперь рассмотрим подробнее (людологически) парадигму бытия христианства как социальной системы, начиная с Иешуа и заканчивая настоящим временем.

Социальная система всегда существует как парадигма бытия. Парадигма бытия, состоящая из взаимоувязанного бытия в возможности и бытия в действительности – элементарная частица любой системы. Систему образуют связи парадигм, их отношения доминирующего и подчиняющегося звена, виды форм конгломератов парадигмы и прочее. Об отдельной системе можно говорить лишь там, где формы сочленения парадигм бытия обеспечивают цикл жизнедеятельности человека. В зависимости от того, каков этот цикл, можно отдавать предпочтения той или иной системе, но основное качество неизменно, человек должен в этой системе выживать, иначе это система по уничтожению человека, и социальной ее можно назвать в относительном смысле этого слова. Другими словами, целевой причиной социальной системы всегда является жизнь человека, человек в этой системе предполагается как субъект мыслительной деятельности, ибо *бытие не существует вне мысли, а мысль вне бытия*. Промежуточные жертвы и тому подобное (классификация по субъектам, например) в данном случае конечной роли не играют.

Поскольку жизнь, это то, что происходит, пока мы строим планы (Дж. Леннон), следует понимать, что акция универсального анализа и в особенности философского всегда

купирована в рамках бытия в возможности субъекта познания. В области познания всего три эффективных формы познания предельных основ бытия.

1. Познание мира в целях установления представления о мире в целом. Это философия. Здесь мир как форма сочленения и сцепления парадигм, состоящих из области бытия в возможности и области бытия в действительности, располагается с одной стороны и представляет для познающего предмет исследования, а сам субъект познания с другой стороны. Таким образом, мир в отношении познающего предстает в двух формах – как собственно продуцируемое знание о мире и как мир, предмет познания. Собственно – продуцируемое знание о мире в дальнейшем может быть ретранслировано неперсонифицированному кругу лиц, составить основу идеологии, реформы и тому подобное. Представление о мире, полученное подобным образом, является базовым и первым шагом к построению социальной системы, но, как правило, жизни отдельно взятого человека хватает только на то, чтобы продуцировать такое представление. Это наиболее распространенный путь развития общественного, который предусматривается самим обществом (функция мессии и так далее);

2. Вторая форма более сложная. Для того чтобы быть счастливым, – мало знать, как осчастливить других. Многие знания рождают печаль. Познать мир, сообщить миру о том,

что он заблуждается, или о том, как он устроен, – есть форма собственно удачной жизни. Жизнь людей познания всегда печальна и грустна. Будучи носителями отвлеченных форм бытия в возможности, практически не применимых в повседневности, они либо совершенно выключаются из области повседневного, что ведет к гибели (нищета, голод и так далее), либо погибают от рук представителей традиционных взглядов, в попытке донести свое видение до ответственных лиц, просто до каких-либо лиц. Познать себя для них означает познать себя вместе с этим миром, осознание себя всего лишь как социальной аномалии, труды которой, возможно, в будущем будут признаны и оценены (посмертно, разумеется), является не для всех знанием по силам, поэтому самопознание становится стадией, непреодолимой для многих. Или же это выливается в какие-то причуды восприятия, граничащие с психическими расстройствами. В любом случае, любое, даже самое куцее представление о мире в целом, проходя через стадию самопознания субъекта, трансформируется в неизбежность восприятия *деяния*. Субъект начинает требовать реализации собственности знания.

Это нормально, так как в первой форме связи выглядят следующим образом.

Бытие в возможности	Переход (реализация)	Бытие в действительности (результат)
Мир, как неизвестный предмет исследования (хаос) после отрицания истинности той картины мира, которая сообщена субъекту от рождения. Убежден, что так быть не должно.	Субъект, упорядочивающий хаос определенным образом, путем познания	Представление о мире, продуцированное субъектом познания, лишенное изначально воспринятых им противоречий.
Целевая причина бытия	Движущая причина	Материальная причина
Формальная причина = энтелехии		

Здесь все бытие субъекта сведено к движущей причине парадигмы бытия, к тому какое орудие он избирает для формирования картины мира (проповеди, тексты и так далее), какой образ жизни ведет, когда занимается построением картины мира и прочее. Следует отметить, что именно от выбора организации формальной причины зависит вообще успешность реализации всей парадигмы. Некоторые всю жизнь что-то делают в целях достижения картины мира, умерев на этом пути. Мы просто о них мало что знаем. Само по себе познание – великий труд, который надо пережить (не покончить с собой, не убить себя алкоголем и депрессиями, не искать подсознательно смерти, не впадать в одиночество, ну, и так далее).

Но следует понимать, что вышеизложенная схема в формуле выглядит следующим образом.

$$\dots(Vx - Dx) = (V3D) - DV1 - \dots$$

где:

«-» – переход бытия в возможности в действительность с различной степенью адекватности.

Vx – множественность знаний о мире, бытие в возможности мира, обеспечивающее его существование в беспредельности (любое индивидуальное бытие в возможности уже общественного).

Dx – множественность предметов мира, начиная от продуктов жизнедеятельности человека, включая процессы, циклы, и заканчивая объектами природы, опосредованными мыслью (для познающего нет разницы, является ли гром проявлением гнева богов, или электрическим разрядом).

V3D – результат собственности восприятия хаоса мира, урезанная отрицанием приобщения к такому миру, несогласие. 3D – это три области действительного, которые неизменно реализуются таким бытием в возможности для познающего, являются автоматическим редуцированием, не требующим участия воли: отрицание, необратимость стремления, сомнение. Именно постоянное несогласие с миром, необратимость стремления к формированию нового представления, вечное сомнение относительно своих способностей, приводит в конечном счете к формированию собственного представления о мире. При этом субъект сам, как выраженное противоречие миру, каждое из его состояний – воплощенное в действительность противоречие миру.

DV1 – результат, бытие в действительности, которое в данном случае может быть представлено, как текстом (самореализованное бытие в возможности), так и просто уверенностью; главное здесь, что полученное таким образом

представление обладает для субъекта однозначностью, отсутствием противоречия (которое для субъекта всегда в данной ситуации субъективно), является для него истинным.

Вместе с тем D1 – это только представление, которое в дальнейшем продуцирует с необходимостью непосредственно новую парадигму бытия, так как само является бытием в возможности не только для любого стороннего наблюдателя, но, спустя какое-то время, и для самого субъекта реализации.

...{(Vx – Dx) = (V3D) – DV1} – V1- (?)

Где:

V1 – собственно продуцированное представление о мире.

И вот именно здесь субъект либо переходит ко второй форме познания, становясь субъектом реализации собственно – продуцированного бытия в возможности (меняет хотя бы свой *modus vivendi* согласно своим истинам), либо становится просто автором, распространителем и тому подобное. Но кто поверит в твою веру, если сам ты не живешь ею? В первом случае создается новая парадигма бытия стандартного вида.

– V1- D1-

Данная форма готова к тиражированию и связям с другими парадигмами (вместо многоточия переходы обозначены «-»), то есть чего-то пришло, во что-то превратится,

но в рамках жизни человека (хотя бы одного) уже существует и определяет его повседневность (2-я форма творческого познания).

3. При осуществлении третьей формы познания сущность процесса сводится к тому, чтобы полученное бытие в возможности заменило бытие в возможности лиц не участвовавших в его создании, которые по отношению к нему являются враждебными формами реализации ранее уже отвергнутого при первой форме познания бытия в возможности. При этом следует понимать, что человек – существо, управляемое идеями и образами (что с успехом доказал Карл Юнг), поэтому он не чувствует искусственности того или иного бытия в возможности, редуцируемого по собственной воле в действительность. В высшей степени проявляется в знаменитом высказывании Г. В. Ф. Гегеля «все разумное – действительно, все действительно – разумно». Представляя, по сути, неизменный набор форм сочетания алгоритмов увязки переходов бытия в возможности в действительность, управляемый человек способен только менять их содержание, но не сам тип и метод опознавания, мышления. Именно поэтому уже успехом считается проникновение в данную операционную область того бытия в возможности, которое составляет продукт реализации по первой форме познания. Ярко видно на примере идеологического зомбирования XX века (национал – социализм, коммунизм, боль-

шевизм, сталинизм и прочее). Здесь задача весьма сложна, так как речь идет фактически о кооптировании системы критического мышления объекта в область операционного арсенала познающего, управление системой координат «истина-ложь» другого человека предполагает наличие большого ресурса. По большому счету вся система судопроизводства государства имеет целью именно это – формирование единого представления у неперсонифицированного круга лиц о должной форме организации действительного. Сделать собственно – рожденные истины формой бытия других людей, которые к ним отношения не имеют, весьма сложно. И первое, что необходимо сделать – отказаться от собственности на бытие в возможности, полученное в первой форме познания. Заметим, что алгоритм восхождения таким образом выглядит в форме Гегелевской триады, где тезисом выступает универсальное представление о мире, полученное на первой стадии. Затем тезис противостоит анти-тезису – собственно субъекту, бытие которого теперь должно поменяться полностью, если он желает воплотить в жизнь полученные результаты. И, наконец, как только он добился того, что его образ жизни стал верификацией его истин, ему приходится отказываться и от него, если он хочет донести свои истины людям. Ничто не рождает в мире большего недоверия, чем собственное мнение в высокой степени оригинальности по теоретическому вопросу. При этом нельзя требовать от будущего последователя такой же познаватель-

ной способности, которой обладаешь сам, или тех же усилий, которые приложены тобою, но, тем не менее, твое учение должно стать самым дорогим для него, тем, за что он должен будет при необходимости отдать свою жизнь. Поэтому те средства и методы, которыми достигается подобное отношение, всецело должны соответствовать ожиданиям субъекта, более того, составлять его сущность, что находится уже давно в полной противоположности познающему субъекту, утрачено им еще в процессе первой стадии познания. Вместе с тем, процесс носит необратимый характер. Рано или поздно представление о мире, обладающее достаточной степенью универсальности для того, чтобы снимать противоречия по области бытия в действительности, и хоть в какой-то степени доступное неперсонифицированному кругу лиц, находит своих носителей, и, соответственно, начинает оживать в парадигмах бытия, составляющих жизнь воспринимающих субъектов, в последующем заменяя их. Задача самого источника такого представления о мире (создателя) – продуцировать систему снятия противоречий, которая позволила бы сохранять чистоту изначально полученного знания, так как каждый последователь и субъект новой системы, воспринимая ее как собственную истину, будет осознанно или неосознанно привносить в нее собственные качества. Поэтому необходимо создание определенных систем снятия внутренних противоречий по всем элементам парадигмы бытия, продуцируемой таким бытием в возможности, с учетом то-

го, что внешним наблюдателем любое проявление системы реализации такого бытия в возможности воспринимается именно как свойство системы, без учета возможности девиации такого проявления по отношению к самой системе. Следует понимать, что «обращение в веру» по персонифицированному объекту происходит в геометрической прогрессии, процесс практически необратим, и единожды будучи запущенным, он не подлежит управлению, корректировке силами создателя первоначального представления. Если не предусматривать всего этого с самого начала, то вполне можно оказаться в ситуации, когда сталкиваешься со своим учением в людях и не узнаешь его. Жизнеспособность идей проверяется непосредственным образом именно в том, как те или иные социальные теоретические конструкции влияют на жизнь лиц, персонифицируемых ими. Ярчайший пример неправильной реализации – это учение Карла Маркса в исполнении большевиков в России. Совершенно адекватная социальная система, исполненная по первому этапу познания, была совершенно неадекватно реализована в области действительного, что привело к тому, что современный мир больше напоминает «Божественную комедию» Данте, чем чудо творения Господа. Причина все в том же – ограничение познания самореализованным бытием в возможности (написание книги в данном случае и ее медиатизация), без его верификации во второй и третьей форме познания. Необходимо оживлять своими истинами души людей, за-

ставлять их жить и дышать одним и тем же воздухом с тобой, чтобы понять, насколько то, что рождено тобой, пригодно для жизни в судьбах других, насколько это лучше или хуже для них. Или надо перепоручить это, как сделал Иешуа, удачно избежав при этом возможных разочарований. Иначе получится то, что происходит с учением К. Маркса – прививка к нему продержится еще лет 150—200. Познание всегда должно проходить сквозь человека, иначе это шаманизм для окружающих, смерть для познающего субъекта. Выработать зачетные схемы и критерии, благодаря которым субъект, приобщающийся к новой форме бытия в возможности, понимает, что он причастен – одна из самых трудных задач. Религия преодолевает это ритуальностью. И, как мы увидим, не случайно (действует закон: чем выше степень игровых действий, составляющих формальную причину в парадигме бытия, тем лучше переходит бытие в возможности в действительность, тем полнее материальная причина отражает целевую).

По правде сказать, любое социальное явление устроено таким образом, что рождает собою основание для своего отрицания по содержанию к своей парадигме таким образом, что в противоречия кооптируются элементарные части (естественная девиация), но никогда вся парадигма в целом. Для лиц, не участвующих в данном процессе, противоречие может быть со стороны и абсолютным, и казаться тако-

вым. Синтез же, в своей сути, лишь улучшает жизнеустойчивость, но ничто не существует в области действительности в форме противоречия, – только в форме снятия противоречий. Именно поэтому человек, озираясь в свое прошлое, находит некоторую согласованность, отсутствие противоречивости. По тем же причинам была придумана и теория эволюции. Основное отличие систем не в их содержании, а в том, как они определяют и снимают противоречивость основного элемента парадигмы, с которым они работают – бытием в возможности. Третья форма познания, как раз учит и апробирует эту устойчивость системы к жизни. Любое бытие в возможности полно противоречий, это его суть, в этом отношении социальная система – это всего лишь трафарет, который накладывается на хаос и в дальнейшем воспринимает только то, что усматривается из трафарета, считая его своим, системным, а все, что в трафарет не попадает – чужеродным, хотя вполне возможно, что с точки зрения трафарета с большими возможностями, различия не так существенны.

Просчетом того, какое количество систем, конгломератов, видов и прочее составляет ту или иную ситуацию, занимается специальная наука – людология, вкратце мы еще коснемся этого вопроса, в настоящее время вернемся к христианству.

Итак, первой парадигмой бытия христианства было бытие в возможности, носителем которого в мире людей был Хри-

стос. Откровения Господа постепенно вытеснили из сознания Иешуа мотивы обычного поведения, они свели его социальную активность в миру к движущей причине парадигмы собственности судьбы в целом. Целевой причиной было Евангелие, формальная причина во времени была представлена биологической жизнью Христа, предметной стороной энтелехии (пространство с его содержанием), материальной причиной на данном этапе (с учетом понимания транзакции к любому человеку) – слово, то, что являлось источником для познания. Цикл жизни, все те парадигмы, в которых участвовал Иешуа, были таким образом весьма упрощены и не сообщались с бытием в возможности, которое представляло ценность для других людей (деньги, власть, наслаждение женщинами и прочее). Иешуа, в конце концов, стал материальной причиной, проводником, посланником, *представителем* и не более. Все в нем было подчинено одному – донести слово Бога. Вверив себя только Господу, освободившись от всего, что могло затормозить его, Иешуа сталкивается с проблемой коммуницирования с людьми. Известно, что пророки (в частности Мухамед) не имели возможности записывать, надиктовывать свои откровения. Это связано не с физическими недостатками, безграмотностью и прочее. Скорее всего, дело в том, что и сейчас письмо, как таковое, является отдельной активной парадигмой бытия. В самом акте написания слова просматривается тысячелетняя история реализации в едином месте, в одном и том же вре-

менном континууме общественного наследия, отработанного миллионами жизней до тебя (правила грамматики до сих пор не вызывают сомнения у любого, неправильное произношение подлежит автоматической коррекции и так далее). Иными словами, письменное слово несет в себе стандартные общественные поведенческие и мыслительные стереотипы, преодолеть которые весьма сложно, когда описываешь то, что не связано с опытностью сотен поколений до тебя (пользователя письменного языка до тебя и твои современники). Именно поэтому, чем выше индивидуальность, как субъекта написания, так и объекта, о котором идет речь, тем сильнее коррозия письма, то, что в последующем может быть названо авторским стилем изложения. Автор пытается как бы выбежать за рамки слова, сформировав в тексте некоторую тягучесть ритмов и задержек смыслов, формируя свою ритмику написания, чтения, а, в конечном счете, и восприятия. Это тоже неосознанно игровые техники для самого автора, которые он от себя не отделяет, но они вполне узнаваемы читателями, которые их связывают с индивидуальностью стиля. Другие избегают напряжения столетий путем надиктовывания своих мыслей, что, по общему мнению, является более легким способом изложения, но, вместе с тем, записанный таким образом текст страдает ущербностью, трансформируется в систему распоряжений (так появляется бюрократический язык власти, рождается право- текст как форма записи распоряжений правителя, адресованный тем, кто изъ-

ят из непосредственного времени и места самого распоряжения). Текст никогда не заменяет личного общения, тем более обставленного определенным образом (нагляднее всего это видится в суде присяжных, так, например, речь защиты напечатанная, розданная присяжным и прочитанная защитником вполне может погубить даже очевидно невиновного, но вдохновенно сказанные слова, которые запустят в мышлении присяжного необратимые процессы сомнения, могут спасти самого закоренелого преступника). Текстуальные проповеди были невозможны для Иешуа, как мы уже отмечали ранее, и в силу исторических реалий того времени (ограниченность доступа к чтению широких масс и прочее). Само по себе состояние откровения, когда, с одной стороны, ты весь такой плотский и предельно конкретный, а с другой стороны то, что невозможно объять мыслью, но что вполне осязаемо тобою мышлением, создает такую разницу давления между бытием в возможности и бытием в действительности, что стремительность перехода не дает возможности поддерживать ее скорость в рамках написания, а иногда и в рамках понимания того, что говоришь. Это достаточно часто наблюдается у людей. Наиболее подходящее сравнение для состояния откровения – холодная ярость. То есть, накал такой же, как у разъяренного человека, которому из оружия доступно только слово, но при этом отсутствует выход эмоции. Наоборот, каждое слово не облегчает состояние (выговориться), а, наоборот, усиливает глубину состоя-

ния без причинно-следственной связи (источник «яроستي» постоянен, находится всегда в области досягаемости воли индивидуума). С учетом разницы по бытию в возможности и в действительности (инструментарий слова непригоден даже для выражения любви, не говоря уже о Боге, хотя христианство опять же очень тонко уловило это, связав любовь с областью чувствования, которая не поддается рациональной идентификации) остро встает вопрос терминологии. Более того, до тех пор, пока область мысли опосредует вопросы повседневной материальной жизнедеятельности (без учета внутренних переживаний субъектов), вопрос терминологии не возникает вовсе. Но, как только мысль человека попадает в области, которые никак не увязаны с повседневностью и с эмпирическими возможностями рядового субъекта, возникает вопрос о терминологии, как о способе передачи вновь получаемого бытия в возможности. Таково становление науки. Например, именно тогда, когда наука достигла в области технических возможностей предельности невооруженного чувственного познания, появилась необходимость в создании мета-языка науки, обладающего собственностью значений.

Очевидно, что Иешуа не мог найти научных соратников и, тем более, воспроизвести общественно-когнитивную форму познания, те термины, которые бы он вводил в оборот, умерли бы вместе с ним, ибо термины живут только в области науки в том виде, как мы ее знаем последние 400 лет (чело-

век изъясняющийся в повседневности, скажем в постели, научными терминами – персонаж анекдотов). Единственным способом корреспонденции добытого бытия в возможности являлось личное общение. Но каким образом общаться так, чтобы избежать споров, как превратить известную тебе истину в откровение, в аксиому? Современность, да и история, изобилует примерами, когда «избранники божии» создавали вокруг себя секты, группы и прочее, насыщая умы своих умственно-отсталых последователей такой ересью, что это зачастую приводило к летальному исходу или неприличным извращениям, о которых и поминать-то не хочется. Все эти опыты группирования вокруг себя общественных животных не приводили к созданию социальной системы, которая бы свое Единобытие распространила на половину мира. В чем секрет?

Все в тех игровых элементах следует четко помнить при исследовании закон энтелехии, согласно которому, чем выше уровень алеантности перехода (игровая эмоциональная напряженность), тем неизменнее вид передаваемого, реализовываемого бытия в возможности в область материальной причины. Если же игровые действия отсутствуют полностью, то при одном субъекте реализации – это навык (при множественности субъектов для стороннего наблюдателя такие субъекты могут вообще не учитываться, даже с точки зрения движущей причины, а быть всего лишь предметной стороной энтелехии, оружием, вещами). Наивысшая форма алеантно-

сти в любой деятельности бывает лишь тогда, когда субъект, обладающий полнотой бытия в возможности действия, совершает его впервые. Это легко уяснить себе на примере первой половой любви. Если субъект не знает о сексе (в силу малолетнего возраста, например), то и сам половой акт не будет сопровождаться для него каким-либо, связанным с ним, волнением (в случае отсутствия, конечно, непосредственного насилия), пройдет незамеченным событием. Напротив же, когда субъект уже мечтает о сексе, преисполнен его бытием в возможности, то первый половой акт, сам его факт представляет для него высшую эмоциональную степень, а при определенной технике исполнения – наивысшую. Со всеми остальными областями человеческой деятельности – то же самое, при том условии, что наступление того или иного события завязано на действия, совершаемые субъектом (это и позволило в свое время Зигмунду Фрейду допустить в качестве достаточного основания для универсального суждения о мире сексуальное влечение индивидуумов друг к другу). Схема усиливается многократно, если мы говорим не о первом случае, а о первом и последнем случае для субъекта при тех же исходных данных (наполнен в достаточной степени бытием в возможности, желает наступления события). И приобретает мультипликационный эффект усиления, если предположить, что это первый и последний раз в жизни не только конкретно этого субъекта (сравните с идеей смерти в жизни человека), но для всех остальных, ныне

живущих, тоже первый и последний раз. Здесь уже формируется понятие *избранности*. Если же все это усилить тем, что эта парадигма бытия исключает субъекта не только для ныне живущих, но и для всех тех, кто жил ранее, и будет жить потом, то эффект реализации становится абсолютным, приобретая уникальность и исключительность высшей степени, усиливая тем самым энтелехию любого процесса до предела в части эмоционального накала.

Именно это было воплощено Иешуа, с усиливающим ходом в отношении умерших, устранение смерти как возможности сбежать от свершившегося факта (прихода мессии).

Высокая степень алеантности, таким образом, была достигнута приобщением и реализацией бытия в возможности, которое не принадлежало и разрабатывалось самим Иисусом (предсказание о приходе мессии). Само предсказание мессии является защитным механизмом социальной системы, это т. н. «управляемая девиантность». Все архаичные системы предусматривали ее. Сущностью является формирование надстроечного элемента управления на основе принципов сходства и различия объектов управления, продуцируемых механизмами встречности и подобия индивидуумов. То есть, когда все летит к чертям, система сохраняет за собой право корректировать и устранять все, используя высвобождающуюся энергию алеантности (т. н. «энтузиазм»), получаемую за счет веры в то, что теперь-то все будет положительно, по-новому. Множество революций последних

300 лет были осуществлены именно благодаря этому.

Таким образом, с точки зрения проведения операции по формированию новой социальной системы, Иешуа действовал весьма политически грамотно. Этого было явно недостаточно для того, чтобы создать мир социальной системы, но более чем достаточно для того, чтобы захватить политическую власть. Грамотный вход под прикрытием в область общественного бытия в возможности – это хорошо, но необходимо сообщить нечто большее для того, чтобы поменять мир. Здесь мы вплотную подходим к пониманию социальных систем.

Прежде всего, социальная система управляет своим содержанием, тем, благодаря чему она позволяет опознавать мир, ибо мир человека – это мир предметов и вещей опосредованных мыслью, мир опредмеченных мыслей в той или иной общей форме стабильности. Помните, мысль не существует вне бытия, а бытие вне мысли. Что должен был заложить в свою систему Иешуа, какие элементы, чтобы управлять бытием людей?

В области предметов присутствуют достаточно сбалансированные социальные системы, абсолютизирующие свою власть в рамках пределов влияния – правовые системы; в области войны так же есть свои верифицированные системы, эффективность которых доказывается весьма наглядно. Скажем сразу, христианство не регулирует общественные вопросы, и никогда не стремилось к этому. Христос сосредото-

чил свою социальную систему вокруг следующих вопросов, которые полностью составляют бытие мысли и только бытие мысли:

- Бог (Бог в тебе – абсолютная встречаемость и подобие, присутствие, но не руководство, личная форма ответственности перед Богом).
- Любовь (Бог есть любовь, любовь как форма отношения к миру при конечности мира).
- Ненависть (не противление злу насилем, практика самообладания).
- Надежда (Спасение, отсутствие смерти).
- Смерть (жизнь, «Я»).

В следующей главе мы подробно рассмотрим все эти элементы, сейчас же еще раз подчеркнем, что Учение Христа – это потрясающе сбалансированная практика управления бытием в возможности человека, при том, что и субъект управления и объект управления совпадают. Но нигде христианство не касается общественных вопросов, при том, что личное проявляется в общественном, а общественное в личном. Сбалансированность христианских заповедей (10 заповедей) более напоминает стыковочный шлюз между двумя мирами, но не составляет образа жизни христианина, так как предполагает прямые внеличные оценки (квалификацию, это то, на чем потом построила свою власть Церковь, как организация). Десять заповедей – это больше специальное отвлече-

ние на сторонний объект, чем содержание социальной системы. Это надо запомнить для того, чтобы успешно осуществлять дальнейшее исследование Учения Христа.

Хочешь управлять другими – научись управлять собой, с этим высказыванием трудно поспорить. Рассматривая эту концепцию глубже, можно заметить, что, если создавать своими действиями и силами своих сторонников собственную область социального (заменяя соответственно все составляющие элементы бытия в ней), то власть будет безграничной. Христианство, однозначно интерпретировав круг важнейших понятий, получило безграничную власть над человеком. Универсальное управление сознанием человека возможно только при наличии системы восприятия и персонификации бытия в возможности, которое не только отсеивает ненужные формы, но необратимо приводит к убежденности в истинности используемой системы, путем опосредования мыслью на основе данной системы реальности. В оборотах речи это называется «открыть глаза, прозреть». До Иешуа Бог был воплощением всего самого страшного для человека, он был формой персонификации ужаса, и первое чувство, которое испытывал верующий, обращаясь к Богу в тех или иных культах – благоговение и ужас. Страхи человека носят неуправляемую природу, страх является разрушающим началом. Единожды поселившись в человеке, данное бытие в возможности импульсно проявляется вне воли человека, поскольку таков механизм структурирования

социальной материи (переход возможности в действительность). Тоже наблюдается, например, с областью примет, талисманов, тотемов. В частности, в случае удачной реализации бытия в возможности в действительность, субъект пытается ухватиться за возможность повторной реализации. Если это носит управляемый характер, то со временем функция превращается в навык (сравните – бытовое убийство с помощью случайно попавшегося огнестрельного оружия и технику стрельбы в армейских подразделениях специального назначения). Если же деятельность по реализации носит вневольный характер, то есть до процесса завершения нельзя точно спрогнозировать, какой будет результат, то есть противоречия бытия в возможности снимаются только после полной реализации, и воспринимаются исключительно через бытие в действительности (в процессе реализации – сформированная материальная причина, которая еще может быть исправлена субъектом реализации), то в целях усилия собственно настроения, целеполагания и области давления к реализации бытия в возможности в действительность, субъекту свойственно заимствовать из области энтелехии предметную сторону, выраженную материально или формально (предмет, ритуал, жертвоприношение и так далее), что приводит к образованию для субъекта особой включенности в процесс реализации, игры. В некоторых формах социальной деятельности это носит совершенно игровой характер, и определенные социальные роли немислимы без этого (например,

страж порядка потому страж порядка, что именно в этом месте и именно в это время он определенным образом одет, при оружии, и, наконец, сейчас его смена дежурства, предметная сторона энтелехии всецело составляет его бытие, в то время как целевая причина вытеснена из его сознания и составляет вообще фикцию под названием государство, право и так далее). Этот механизм образования удачливости реализации бытия в возможно широко эксплуатируется социумом. В то же время механизм образования страха точно такой же. Единожды испытав чувство ужаса, то есть, оказавшись предметной стороной энтелехии парадигмы бытия, в которой ее форма реализации несовместима с существованием человека, где человек является противоречием системе устройства и организации социума, он в дальнейшем машинально реализовывает внутри себя то, что в тот раз составляло парадигму бытия. С учетом того, что в архаичных культурах Бог проникает во все сферы жизнедеятельности, страх, который продуцировался его присутствием, являлся тормозом на пути любого начинания. Ни о каком прогрессе науки и технологии речь вообще не шла, а сами тяжелые условия жизни, высокая смертность населения, и прочее, из объектов разрешения проблемы превращались в лишнее доказательство того, что Бог разгневан и мстит таким образом за грехи. Система, построенная на мотивации ухода от наказания, работает только на усиление самой системы, так как ее движущим фактором, движущей эмоцией являет-

ся страх. Очевидность неэффективности подобной организации религии была усилена Римским господством. В условиях внешнего управления основную функцию управления в государстве получили служители культа, которые не только не занимались просвещением населения, а, наоборот, обособили свою власть, усилив давление на гражданских лиц. Следует отметить, что Бог, как универсальная динамическая когнитивная система, может опосредовать любое проявление действительности. Именно поэтому со временем появилось представление о незамедлительности наказания Бога за проступки и преступления. При том, что любое несчастье приписывается Божьему деянию, выстраивается обратная причинно-следственная связь, в которой несчастье, случившееся с человеком, находит свою причину в его прошлом, являясь в глазах познающего следствием. Такого рода мышление рано или поздно исчерпывает себя как поведенческий регулятор в отношении объекта управления. Несчастья случаются всегда, даже сегодня в рамках поведенческой школы педологии, весьма сложно гарантировать какую бы то ни было результативность бытия человека на длительный срок. Вместе с тем, в поведенческой модели любого человека содержится понимание того, что следование определенным правилам (закладывается в детстве системой воспитания) гарантированно приводит к определенному результату. Родительское «веди себя хорошо, и все будет в порядке» есть сильнейший механизм, который в будущей жизни человека опре-

деляет его ожидания и стремления в форме практических действий. Человечество в различные моменты своей истории и в разных регионах пыталось преодолеть влияние семьи, как формы наследования не только биологического типа, но и социокультурной формы, привычки жизни. Наиболее оптимальны были греческие пайдеи, особенно тип воспитания в Спарте; в отношении других регионов был развит институт инициации, который по своей сути был переходом от одного социального положения к другому и содержал при этом все признаки игровой формы бытия высшей формы алеантности (единственный раз в жизни, усиленное экзистенциальное противоречие, публичность, добровольность участия, вождение удачного результата, абсолютное формирование представления об участнике и прочее). Вместе с тем, постепенно инициация перестает быть сакрализованным типом действия, все меньше богов присутствует в ней. С переходом в монотеизм испытание практически утрачивает свою функцию, за счет роста экономики приобщение к социуму происходит автоматически по признаку возможности служения интересам социального (служба в армии, налоги, имущественный ценз). Вместе с тем появляются новые социальные фильтры, эффективность которых определяется не самой процедурой, а властной оценкой лиц, управляющих обществом. Если процесс инициации был обязателен для всех, не могло быть такого, чтобы взрослый член общества, имеющий «гражданские» права, не прошел

его, то, с появлением классического государства, происходит передача власти по наследству, развивается институт специальных служб, где нет необходимости в свободных гражданах, нужны исполнители, которых никто не знает, и которые всецело принадлежат государству. Инициация переходит в область государственного аппарата, сообществ, перестает быть общественным публичным институтом.⁷ Таким образом, второе рождение, социальное рождение, каковым инициация и является, пропадает из программы человеческой жизни. Но, вместе с тем, остается *социальное ожидание второго рождения*, так как данная функция необходима любой особи человеческого типа (до исх пор язык улавливает в речи оборот *состояться в жизни*). Именно в это время вторым рождением становится брак, имущественный ценз и прочее (на этом же играет и Христианство – причастие как форма утраченной инициации, на этом же до сих играет государственная служба в рамках определения собственности компетенции- кто и кого наделяет полномочиями, увольняет со службы и так далее). Вместе с тем, все данные формы не абсолютны и не дают возможности человеку качественно изменения в том виде, как это было в инициации, то есть, не стирают полностью те механизмы, которые были в нем

⁷ Именно здесь можно было бы предложить дню современному вводить смертную казнь не как форму уголовного наказания для всех граждан, а именно как форму дисциплинарного взыскания для государственных служащих, так как именно государство, государственная власть до исх пор несет на себе отпечаток именно архаичного наследия.

заложены в процессе воспитания (причинно-следственные связи, ожидание позитивного), соответственно, рост социальных страхов становится неуправляемым. Христианство здесь, в рамках опять же стратегии управления бытием в возможности, возродило инициацию как таковую, совместив ожидания позитивного с гарантией Рая после смерти, очищения. Тем самым в практическом смысле дало успокоение людям при жизни. В пользу этого говорит и то, что у ранних христиан крещение проводилось перед смертью, так как являлось формой полного очищения от всего того, что было ранее, а следовательно, гарантировало, что до смерти человек не успеет согрешить и точно попадет в Рай.

Провозгласив, что Бог есть любовь, Иешуа добился абсолютной встречаемости и подобия Бога людям. Невозможно отталкивать того, кого любишь, невозможно вредить тому, кого любишь, невозможно не знать любви, невозможно познать любовь. Любовь, как заданное влечение человеку, сопутствует ему на протяжении всей жизни, и каждый раз удивляет его. Познание Бога через любовь гарантирует, что человек никогда не отвернется от Бога, как никогда не перестанет искать любви в той или иной ее форме (в конечном счете, даже попытки забыть любовь – лишь следствие любви и одна из ее стадий). Эмоция любви намного более позитивна, чем эмоция страха. Она не является репродуцирующей самое себя, она является самодостаточной. С любовью связаны многие загадки человеческой природы, которые

не разгаданы до сих пор (репродуктивная функция человека, сексуальные техники и влечения, забота о потомстве, самопожертвование, неконтролируемые поведенческие импульсы, явления синхронистичности, и так далее). Любовь, понятие любви, всегда выступает как предел обороны Разума перед эмоциональной составляющей текущего состояния субъекта. Там, где дихотомия чувств достигает своей кульминации, и назвать то, что происходит с тобой не получается, говорят о любви. Измененность сознания – так же спутник любой любви. Химические реакции, происходящие в организме влюбленного человека чудесны и загадочны. Состояние влюбленности, скажем прямо – божественное состояние. Мир, построенный на любви – мир западного человека. В Коране, например, основной эмоцией, так же, как и у древних иудеев, является страх, но и там содержатся упоминания о наслаждении плотской любви, которая ждет тех, кто попадет в Рай в виде вознаграждения.

Христианство, таким образом, выиграло по сравнению с Ветхим заветом в чистом виде, сделав любовь движущей эмоцией Бога, увязав все парадигмы бытия любви к Богу. Вместе с тем, оно приблизило Бога в самых рядовых отношениях влюбленности, ревности. Если бы акты полового соития были так сложны по доступности, как это представляется влюбленным людям в отношении объекта влюбленности, человечество давно бы вымерло. В любовных отношениях простота и уверенность действий, вкуче с элементарной игро-

вой атрибутикой практически гарантируют положительный результат. Но ничто так не укрепляет силы наивного влюбленного, как молитва к Богу о предмете своего обожания в состоянии полярности противоречий бытия в возможности (состояние сомнения, ревности и тому подобное). Поэтому каждый положительный результат – в зачет молитве и поддержке Бога, каждый отрицательный (при не склонности людей видеть собственность своих ошибок) – на счет объекта обожания, обстоятельств, и тому подобное. Крайние случаи мало кого переубеждают, так как социальные системы функционируют и живут в живых людях, вся история, известная нам – история тех, кто выжил. Мы не услышим тех, кому не повезло, мы не услышим тех, кто не спасся от рук убийцы, пал жертвой своей глупости, покончил с собой, только статистика насильственных смертей может нас побеспокоить, но и то, ненадолго. Но не забудем – Христианство запрещает самоубийство. В области регулирования социальных отношений любовь уравновешена простотой запрета беспорядочных половых связей – «не прелюбодействуй, не возлюби жену ближнего своего». Необходимо помнить, что современному отношению к браку всего каких-то 70 лет, до этого брак был единственной формой легитимности притязаний на женщину, в Древней Иудее – единственной формой общения с женщиной (исключая, конечно, специальных общественных женщин, статус которых, кстати, никогда не ущемлялся в архаичные эпохи).

Помимо этого не следует забывать об элементарном эгоизме, который тоже удачно регулируется Христианством – «возлюби ближнего своего, *как самого себя*». Любые проявления эгоизма, вплоть до самых крайних, перестали таким образом быть сугубо личными в проекции общения, общезжития; для отдельных групп индивидуумов они становятся мерой возможного и должно принятого в общественной коммуникации.

Любовь, как форма отношения с миром, также позволила в дальнейшем Христианству преодолеть национальный характер, объединив народы, так как любовь не является свойством нации, она есть свойство человеческой природы, вполне универсальное. В то время, как каждая нация имеет свой специфический культ божественного (архаичная мифология уникальна у каждого народа).

Понимание Бога как данности для бытия человека («Бог в тебе») было весьма рискованной тезой, правильность и целесообразность которой не апробирована до сих пор таким образом, чтобы можно было сказать, что это удачная конструкция. Но это позволило структурировать абсолютным образом основополагающие принципы встречности и подобия каждого к Богу. Нет большей удачи, чем не обращаться в форме причастности, а кооптировать в саму систему субъекта, делая его ее частью. Но мало назвать и объявить, что Бог в каждом из нас. Это утверждение рождает конструкцию бытия в возможности, которая требует, как любое бы-

тие в возможности, своей реализации в области действительного: данное бытие должно быть представлено чувственным образом. Так благодаря чему же можно удостовериться, что Бог в тебе? Что такое угадал Иешуа, что данный тезис стал руководством к строительству цивилизаций, истиной, которая прошла проверку сомнением миллиардов человеческих душ? Или это внушение? Красивая фраза, которая пришлась к месту в общем хаосе запуганных верующих? Отнюдь.

Устройство мыслительной деятельности человека таково, что оно непознаваемо. Наличие мысли у отдельно взятого индивидуума презюмируется, но не усматривается вне поля реализации его мыслительной деятельности. Просто, глядя на человека, порой невозможно определить, жив он или мертв (для этого используют труд судмедэксперта, так как некоторые яды и органические поражения могут приводить к полному обездвиживанию, замедлению дыхания, но жизненные функции при этом могут быть восстановлены), и уже тем более нельзя проникнуть в область его мыслительной деятельности. Безусловно, каждый из нас может прочесть настрой человека по глазам, по его произвольным движениям, по его языку тела, но все это *формы проявления мысли*, которые мы в той или иной степени можем идентифицировать с языком тела, улик поведения и так далее. Сама по себе *мысль не проявляется как мысль и только, но существует и вне проявлений*. Область мысли доступна исключительно индивидуально, но каждому. Это и легло в основание фило-

софии Рене Декарта – cogito ergo sum, но за 16 веков до него к этому же выводу пришел Иешуа, используя его практически, а не отвлеченно. В области мысли каждое из противоречий кажется истинным, пока не произойдет снятия противоречия, область мысли, бытие в возможности в своей предельности – среда крайне не стабильная. Если убрать из области мысли технологии социального (знания, представления, привнесенные средой) и сосредоточить внимание человека исключительно на той области, в которой он остается один на один сам с собою, эффект может быть неожиданным. Первая практика в этой области – самоидентификация. Как только субъект осознает искусственность своего имени, как только ему предлагается отказаться от идентификации себя в имени, происхождении, профессии, роде занятий, прошлом опыте и тому подобное, происходит некоторый мыслительный и эмоциональный ступор. При доведении объекта до предельности высказываний типа определения свойства человека, человечества, времени, пространства, применительно к своей (опять же, личности ли уже?) личности, наступает паника. При использовании психотропных средств, преодолении порога боли, переживания нерва боли, возможности исследования увеличиваются. При длительном воздействии – продолжительном одиночном заключении, изоляции, запрете на разговор, отсутствии возможности визуальных и тактильных ощущений, интенсивном применении фармалдегетиков, объект утрачивает социальные

ассоциативные связи, навыки логического мышления, адекватность реакций, поддается поведенческому управлению по типу сигнальной системы Павлова. Вместе с тем у объекта никогда не пропадает способность высказываться, мыслить. Мышление восстанавливается в короткие сроки при нормализации среды обитания, негативное воздействие замещается другими эмоциями и постепенно вытесняется из памяти, возвращение к нормальной жизнедеятельности происходит безболезненно и не требует специальных мер воздействия. Период реабилитации так же скоротечен и в отсутствии внешнего раздражителя, реализующего воспоминания, в большинстве случаев приводит к полному восстановлению ранее утраченных функций социального общения.

Вышеописанные опыты показывают, что человек не утрачивает мыслительной способности ни при каких обстоятельствах. Более того, мыслительная деятельность может создавать собственные миры, слабо доступные для проникновения – параноидальный бред, шизофрения, прочие типы умственных расстройств. Не говоря уже о творческих запоях, сложностях диагностики аутизма у детей и прочее.

Алкоголь, наркотические средства как форма, меняющая сознание, так же весьма наглядно демонстрирует, что даже при скоротечном глубоком поражении мозга (состояние алкогольного опьянения), утрачивая речевую функцию, человек продолжает стремиться к мыслительной деятельности,

а подчас и пытается ее выразить доступными ему средствами (буйство, плачь, и так далее).

Наконец, всем известен зазор, емко выраженный фразой о том, что истина, высказанная вслух, есть ложь. Здесь же: говорящий не знает, знающий не скажет.

Иными словами, следует отметить, что область мысли, как область бытия, составляющего бытие в возможности мира, доступна только индивидуально, но, вместе с тем, обеспечивает сопричастность миру внешнему, оставляя в личности необратимый зазор между выражаемым, доступным для перцепции третьих лиц, и лично переживаемым и мыслимым. В стандартных терминах – беспокойство, мечты детства, несбывшиеся надежды, страхи, мелкие собственные радости, чувство неудовлетворенности и прочее, и прочее. Зазор есть всегда. Постепенно этот зазор в той или иной степени начинает составлять свойство личности, возможно определяя ее поведенческую составляющую. В народе: чужая душа – потемки. Этот зазор очень точно формулируется понятием души человека. Христианство пошло дальше, связав его с Богом. Таким образом, христианский Бог сопутствует человеку всегда и находится внутри его, пока он способен коммуницировать, и во внешней деятельности, пока человек способен любить (а любви все возрасты покорны). Две данные составляющие и определили христианство как религию- надежду. С субъективной точки зрения, как возможность сбыться всему сокровенному и тайному в душе че-

ловека, в объективном – как возможность преодолеть время и пространство, приобщиться к миру, превзойдя себя (любовь, в конечном счете – редуцированная форма инстинкта размножения).

Но на этом свойстве Христианства надо остановиться подробнее. Христианство в своей сути дает спасение в форме надежды и гарантии для того, кто верит, что он спасется. Именно этот тезис подвел церковь в новое время, когда жизнь телесная «здесь и сейчас» была признана самодостаточной. Ранее бытие человека было столь болезненно и столь беззащитно, что проще было создать догму о том, что жизнь «здесь и сейчас» – лишь испытание и переход в мир иной, который, как раз и является формой подлинной жизни. Даже фараоны начинали свое правление с подготовки перехода в этот мир- строительства пирамиды. Христианство давало надежду, позволяя преодолеть старый мир, при этом преодоление этого старого мира сводилось по сути к преодолению старой ритуальности и мифологии, к практике стабилизации хаоса социального бытия в возможности. Неслучайно ад у Данте – это место без надежды («оставь надежду всяк, сюда входящий»). Конструкция подобного рода представляет собой яркий пример правильной организации социальной системы, так как является абсолютным противовесом любому сомнению, в том числе и экзистенциальному (если я еще жив, значит, для чего-то нужен Богу, мое предназначение не исполнено до конца). Действительно, при наличии когни-

тивного сомнения перед личностью предстает мир, ограниченный представлениями о рождении (факт, эмпирически не установленный и не проверенный на собственном опыте субъектом рассуждения) и смерти (факт, который проверить не удастся – пока есть человек, нет смерти, когда приходит смерть – нет человека). Таким образом, знание о начале и конце жизни не относится к проверяемым эмпирически явлениям. И начало жизни, и конец являются парадигмами бытия, в которых превалирует целевая причина, то есть бытие в возможности. Данное бытие в возможности может быть по содержанию наполнено чем угодно, но по своей конструкции останется неизменным. Противоречие между идеальным и реальным в данных парадигмах не выражено паритетно, и не является антагонизмом по типу «реализуется – не реализуется». Желает или не желает субъект познания, но соотношение идеального и реального в данных парадигмах неизменно. В индивидуальном плане для познающего – это собственные воспоминания о прошлом, рассказы родителей, но никогда личная уверенность (в праве даже есть такой институт – тайна усыновления), в волевом моменте влияния индивидуума, разницы между смертью и рождением действительно нет (и там, и там без волевого участия). Познание смерти, опять же, происходит путем относительного проецирования смерти других. Но человеку свойственно предполагать в своих действиях бессмертие, именно поэтому любое теоретизирование на любую философскую те-

му начинается с осознания конечности своего существования. Логика постепенно трансформируется в логику абсурда и личности буквально не на что опереться при любом пролонгировании проникновения в парадигму бытия смерти. В некотором роде человеку здесь по – прежнему (помимо веры в Бога) остается только некоторая ритуальность бытия, продолжать которую можно до бесконечности. Христианство первым заметило, что рождение и смерть – это прежде всего бытие идеи, парадигмы этих явлений состоят в большей части из бытия в возможности. Следствием этого стала активная работа по наполнению данных парадигм конкретным содержанием для тех, кто ближе всех находится в коммуникации с ними (приговоренные к смертной казни преступники, умирающие по естественным причинам, тяжело больные, и прочее). При этом, в отличие от предшественников, Иешуа не выдвигал никаких материальных предпосылок к тому, что субъект мог присоединиться к сформированному им бытию в возможности после смерти. Единственным условием была вера в Бога, сопутствующие этому покаяние и обращение в веру. Таким образом, с точки зрения конкуренции культов Христианство так же выигрывало, давая взамен только одно – форму, которую наполняла надежда самого верующего. Надежда уходит последней, христианство – тот механизм опознавания реальности, при котором, чтобы ни случилось, надежда не уходит никогда, превращаясь в элемент движущей причины парадигмы бытия верующего.

Подъем эмоциональности субъекта обеспечивается за счет природы бытия в возможности, ибо надежда, как таковая, есть ничто иное, как противоречие по бытию в возможности к тому бытию в возможности, которое является результатом познания бытия в действительности, которое субъектом не приемлемо, является противоречием к нему, как материальному субстрату, объекту материального мира. При этом сама действительность, чем сильнее она давит на такого субъекта, тем сильнее бытие в возможности, составляющее его противоречие (представления христианства). При том, как зарождалось христианство - смерть, как личный пример и как действительно путь к лучшему, к свободе – воскресение, – то смерть является избавлением и освобождением, но только для тех, кто уверовал и приобщился к Христу, прочим же (и опять специальный запрет на самоубийство) – нет надежды на спасение и на избавление, а только адские муки вечные. Надежда, как естественное противоречие бытия в действительности, продуцируемое бытием в возможности, подтверждается многократно самой организацией христианства, а в дальнейшем и церковью как организацией, во многом превосходившей государство. Таким образом, Бог христиан является продуктом естества человека, формой, которая развивает и усиливает природные, исходно заданные свойственности человеческого вида: мысль, как форму бытия, надежду, как личное противоречие бытия в возможности, любовь, как базисную положительную эмоцию. Струк-

турирование надежды в субъективном плане тесно связано и с областью зазора бытия в возможности и с областью любви – и там, и там это бытие в возможности (надежда) является сопутствующим фактором. В системе религий того времени, требовавших подчинения правилам и устоям, которые во многом уже были устаревшими или не применимыми к области действительного (не снимали социальные противоречия) христианство, регулировавшее исключительно область бытия в возможности, абсолютно не требовательное к культуре (вино – кровь, хлеб – плоть в католицизме, например) было однозначно жизнеспособнее, так как не ставило себе, помимо всего прочего, политические цели. Христианство преследовало только одну цель – дать счастье и успокоение обычному, точнее, любому человеку. Все отвергнутые, проклятые, забытые, решительно все могли приобрести внутреннее спокойствие, получить то, что не дает ни одна власть, никакие деньги. При этом не забудем и о том, что основанием этого было управление бытием в возможности приобщающейся к религии личности.

В остальном христианство развивалось как обычный культ и обычная организация. Структура церкви отвечает большинству социальных институтов, обладающих высокой степенью эффективности (алеантности реализации бытия в возможности в действительность).

Сформировав и реализовав своей смертью такую мощную парадигму бытия как Христианство, Иешуа не предвидел и не мог предвидеть рост организации до сверхмасштабов. Никто так не дискредитировал Христианство как Церковь, неважно, какая – Римская Католическая, Православная, Грегорианская. И дело здесь даже не в том, что были допущены множественные фальсификации Священного Писания, преднамеренные исключения (как, например, Евангелие от Иуды- забвение гностицизма), осуществлены Крестовые Походы, Священная Инквизиция и так далее, и тому подобное. Дело в том, что самого Иешуа, который пожертвовал своей жизнью ради того, чтобы избавить человека от божков, архаичного тотемного символизма, превратили в Бога. Христианство никогда не конкурировало с действующими культурами, оно создавало собственный мир, который жил и умирал вместе с последователями Учения Христа. Канонизация Учения и признание его государственной религией при Константине перевело христианство в разряд инструментов политического управления, превратив лучшие его стороны в абсурд, а само Учение в идеализм, недостижимый при жизни. Из практики управления собой, а значит миром (мыслоследовательно существую), из универсального инструмента преобразования мира, государство сделало орудие подавляе-

ния, организованного насилия, основание для оправдания своих действий, идеальное прикрытие любой своей деятельности, «санкционированной» Господом. Этот факт очень важен и подлежит изучению, с целью избежать повтора подобных ошибок, предупредить о них. Но Шпенглер был абсолютно прав – третья стадия развития Христианства есть стадия его полного преобразования.

Прежде всего, когда Христианство стало государственной религией, оно потеряло универсальность встречности и подобия. Учение Христа было всегда добровольным. Обращение в Христианство было подобно сегодняшнему добровольному помещению в психиатрический стационар (по собственности желания отчаявшегося духом). Христос собирал уставших, отчаявшихся, всех тех, кто осознавал абсурдность, никчемность, неправильность своего круга бытия против мироустройства в целом до него и после него. Христианству нельзя обучить, к нему можно только прийти и успокоиться в нем, перестав бояться всех и вся. Христос, образ жизни Христа есть путь к Богу, но этот Путь надо пройти, при том, что время, потраченное на дорогу к Богу, никогда не будет потерянным. Везде, где есть государство в отношении элементов, составляющих его сущность, отсутствует принцип добровольности, что понижает адекватность любого процесса, так как делает некоторые вещи естественными, не первичными для восприятия, автоматически реализовываемыми в отношении такого метода

насилия как убеждение. Что касается принуждения, то, как правило, в отношении граждан своей страны, подданных, государство добивается внутреннего перелома личности, осознания им своей виновности, как основания для применения в отношении него насилия (преступное поведение). Став государственной религией, став формой оправдания государственной власти, Христианство стало включенной опцией для подданных государства. С малого возраста граждан государства приучали к Христу. Именно этот период Христианства породил класс индивидуумов, которые подверглись острой критике Ф. Ницше. Калечные, безвольные овцы, послушные всему и вся, все принимающие без любого ропота, понимающие лишь свою обязанность служить и подчиняться.⁸ Государство сделало из удивительного Учения Христа догму повиновения, без инициативности. Не случайным было понимание Христа как Бога. Эта провокация преследовала исключительно управленческую цель отвлечения познающего от сущности Бога как постоянно заданной неизвестности мерзости определенности жизни мирской. Любой рассу-

⁸ Они и не могли осознать мощь и энергетику Христианства, как всепрощения прежде всего злumu и враждебному миру, кем и чем бы он представлен не был. Прощения как границы, с которой начинается собственность жизни, того, что будет после того, с чем ты уже не хочешь бороться и чему прощаешь все свои неудачи, переживания, начиная не участвовать более в этом, очищаясь от всего причиняющего тебе страдание. Именно непротивление и не участие – до сих пор действенный способ борьбы в политике. Но до этой черты необходимо дойти, необходимо отчаяться, чтобы понять что дарует христианство, понять и оценить ценность *божественной надежды* длинной в жизнь.

док, обращающийся от Христианства теперь в сторону Бога, встречался с неизвестностью познания, с ситуацией, устрашающей своим хаосом. Это то, с чем боролся Иисус. По иронии судьбы, оставаясь наедине с Богом, вне формы познания Бога, человек погибает, так как в момент *усталости познания сущности Бога* фиксирует свои представления, руководствуясь ими в дальнейшем как собственно – достигнутой истиной. Становясь таким образом «прислушивающимся параноиком», субъект вступает в коммуницирование с Богом, исходя из тех представлений и сформированных им ожиданий, которые были им зафиксированы. Но, в подавляющем большинстве случаев, эти представления купированы повседневной деятельностью, не имеют достаточной глубины и универсальности, а потому подводят личность в области планирования, самоидентификации, управления жизненными процессами. Это отворачивает от Бога, это убивает таких людей. Иешуа же потратил более 20 лет только для активного познания Бога, это были именно годы наполненные познанием, кто среди нас, «философов на час», способен на такое?

Но те, кто организовывал Церковь, заботились только об одном – об усилении государственной власти. Если и можно было побороть Христианство, то это было достигнуто – государство завладело душами людей, вернув себе авторитет, божественную сущность. Богу для общения не нужны посредники, человеку для общения с Богом нужен только

Путь, метод познания, ибо жизнь человека слишком коротка для лабиринтов истины. С появлением государственной церкви путь к Богу был заменен ритуальностью религии, Бог государством, а Иисус стал рекламным агентом – вербовщиком, самоотверженно положившим жизнь ради овец, пастырями которых явились священники.

В каждой социальной системе необходимо понимать, какие ее элементы являются сущностными, какие ее элементы гарантируют ее последовательное бытие как задуманной системы.

Первым шагом к гибели христианства стал текст. Сам Иисус неоднократно предупреждал против *книжников*, подчеркивая, что святость и Бог не зависят от книги и от слова написанного. Вместе с тем, сама по себе запись понятого и сказанного не могла существенно повредить Учению, но вот титульность только определенного изложения, предпочтение одного источника другому – это вещь, совершенно не соотносимая с системой познания, основным составляющим которой является приобщенный человек. При этом Христом неоднократно декларировалось, что нет перед Богом ни старших, ни младших, все равны и во грехе, и в благочестии. Сам по себе текст в доступе возможности прочтения обладает собственной властью, является формой познания, которая по своему содержанию совершенно неадекватна авторскому пониманию вопроса. Но канонизированный текст, причем канонизированный по субъективной допустимости –

наказание Божие. Заставить же жить каждого по букве «слова Божьего», – это уже чисто государственный подход. Поэтому не будем обманываться – изучая церковь, мы будем говорить не о христианстве, ибо само Христианство в том виде, как оно существовало после смерти Христа и до его огосударствления было вполне самостоятельной когнитивной социальной системой, прекрасно справлявшейся с поставленной задачей – обеспечивать бытие Бога в жизни человека.

В то же время Христианская Государственная Церковь – прекрасный пример того, каким образом необходимо организовывать социум. Функция любой религии – в установлении форм познания Бога, приобщении верующих к организации через ритуальность, управлению материальными активами, если таковые имеются, выработка системы «истина – ложь». Приобретя наследие многобожия, Христианская церковь тем самым извратила понимание дома Бога. Для христианина Бог живет внутри него самого. Языческие храмы, построенные по всей территории Римской империи, были всего лишь игровым атрибутом, они выражали прежде всего победу над неуверенностью самого верующего в том, что его боги существуют. Игра структурирует социальную материю (бытие в возможности) в форму (бытие в действительность) всегда с необратимостью при соблюдении игровых законов и традиций. Храм как сооружение – это место игры, это часть игры, часть веры в то, что определенная последовательность действий приведет к определенному результату

уже в процессе самих действий (сравните с культурой амфитеатра). Это часть мифологической культуры, которая совершенно оправдана в мифологически публичном типе мышления. Главное, что в момент принесения жертвы, в момент нахождения в храме, – все участники равны, и все растворяются в культе, приобщаясь к пределу возможностей соответствующего божества. Если это Марс (Арес), то, принося ему жертву, воин устранял свои сомнения, так как понимал, что лучше, чем Марс никто не справится с поставленной задачей победы, и, если он заручился его поддержкой, значит, может идти без страха до конца. Конец для воина – это либо победа, либо смерть. Выходя из храма, воин уже был не ничтожеством перед божеством, но его представителем, носителем его воли. Достигалось это простыми игровыми действиями жрецов – гаданиями, жертвоприношениями, ритуалами и прочее. Их успешное проведение снимало неуверенность и сомнение в области мышления (бытия в возможности) воина. Фактически, функция религии здесь сводилась к очищению целевой причины парадигмы бытия, нацеливанию на победу, устранению всего лишнего. В области социальной деятельности – это исключительно важно. Так, качество реализации напрямую зависит от субъекта реализации (кадры, как известно, решают все). Отношения с божественным таким образом в мифологическую эпоху носят исключительно деловой характер. Храм – место оказания особой услуги. Именно с этим боролся Иисус Христос, – с функци-

ональностью религии как общественной формы деятельности. В данной системе человек лишен возможности повлиять на божество; божественность, соответственно, влияет на человека ограничено; при полном влиянии человек становится ограниченным. Материальные ценности как предметная сторона энтелехии в вопросе общения с Богом, в любви, – всегда помеха на пути полного развития и функционирования бытия в возможности в предельности его функции реализации.

Но церковь пожадничала и приняла в подарок храмовое хозяйство. Теперь наши храмы – это тоже место оказания определенных услуг, во многом психотерапевтических. Зигмунд Фрейд и тот добился лучших результатов, о чем нередко хвастался.

Христианство изначально никогда не делало упор на культ, на поведенческую составляющую, оно не требовало ритуальности, но церковь ввела ритуальность, как в отношении собственных служащих, так и в отношении паствы. При этом данная ритуальность не снимала социальной напряженности и возникающих противоречий путем их дискредитации, а только на основе насилия, военных операций. Жертвенность, как форма отрешения от материального в церкви, превратилась в налогообложение. Отстраненность от светской власти превратилось в санкционирование верховного правителя, оправдание действий по террору в отношении населения. К XIX веку религия стала опиумом для народа,

с той лишь разницей, что опиум все-таки вызывает привыкание, а церковь того времени – только отторжение.

Подумать только, образцом для подражания стал священник, тот самый священник, кастрированную фигуру которого Иешуа такими усилиями изъясил из отношений Бога и человека.

О Боге в церкви вспоминают исключительно как о форме контроля и наказания, никакими усилиями не предполагается познание Бога. Любое исследование вопроса сущности Бога лично самим верующим, в том числе и толкование Священного Писания, признается еретичным и не приветствуется. При этом церковь изобрела новую форму общения с людьми, стремящимися к Богу, – отлучение от церкви, анафема. Это явный прогресс по сравнению с изгнанием из полиса, к примеру, в Древней Греции. Так же, вполне по-государственному, выглядит толкование Священного Писания, с возможностью расширения, или сужения перечня грехов, за которые следует наказание. Следует четко понимать, что современная всесильность политической власти над своим населением – прямое наследие Христианской Церкви, долго и упорно издевавшейся над человеком. Подумать только, сделать из человека при жизни гонимое животное, внушив ему невозможность очищения вне рамок культа, при этом выторговывать у него материальные ценности в пользу успокоения, на которое он имеет право по рождению.

Пороки человека – стена, через которую надо перелезть,

чтобы увидеть путь к Богу, но в исполнении доктрины церкви – это камера пожизненного заключения, выйти из которой можно не самому, а исключительно через искупление, наступление которого констатирует все тот же служитель культа, твой тюремщик и судья в одном лице.

Но как же стало возможным такое извращение? Как можно было так извратить самое прекрасное Учение?

Здесь мы подходим к самой сути людологического анализа. Забегая вперед, заметим, что именно следование познанию в людологической традиции и позволяет избежать подобных метаморфоз, сохранив жизнь десяткам миллионов безвинно убиенных и растерзанных теми, кто действительно добросовестно заблуждался. Не забудем, Бог – прежде всего шутник и игрок, не потому ли он так часто спорит с Дьяволом?

Естественная эволюция той или иной парадигмы бытия социальной системы обусловлена самой структурой парадигмы бытия. Учитывая тот факт, что парадигма социального бытия попадает в круг восприятия 3-х лиц (не участников самой парадигмы), возникает неизбежная разница восприятия. Разница качества восприятия лица, участвующего в реализации бытия в возможности парадигмы, и лица, пускай даже включенного в формальную причину бытия, весьма ощутима в таких сферах, как например, уголовный закон (соучастник и свидетель – водораздел по умыслу), бизнес (до-

левое участие и наемный менеджмент). Даже в парадигмах, представляющих самореализованное бытие в возможности (например, книга, текст закона и прочие тексты – основная характеристика здесь – равновесие идеального и реального), разница между объемом бытия в возможности автора текста и лица, воспринимающего самореализованную парадигму (читателя, например), весьма существенна. В юридической литературе, например, существует специальное название – аутентичное толкование, то есть по авторскому источнику того или иного законодательного текста. Юриспруденция вообще, как искусственная наука, вынуждена многое обнаруживать в области познания, для того, чтобы окончательно себя не дискредитировать.

Такой процесс естественен. Бытие в возможности, будучи бытием хаоса противоречий упорядочивается определенным образом, благодаря форме организации в действительности. Представим себе простую ситуацию с «Камешками судьбы». Есть 7 участников, один из которых должен умереть, каждому выпадает возможность взять камешек судьбы, шесть белых камней, один черный. Итак, до жребия в отношении материальной причины парадигмы (убийство одного из 7 человек) есть минимум 14 противоречий, каждое из которых является истинным (каждый субъект имеет два варианта, всего семь субъектов). До реализации жребия понять невозможно, какое из противоречий является истинным. Неизвестно, кто в условиях, исключая визуальный

контроль, вытянет черный камень. И вот здесь тонкий момент энтелехии, показывающий, как от формальной стороны зависит содержание бытия в возможности. Если все будут тянуть по очереди и сразу же показывать, какой камень они вытянули, белый или черный, то содержание бытия в возможности общей парадигмы будет неизменно убывать, с каждым вновь выбывшим число внешних противоречий (общее число 14) будет сокращаться на 2. В то время как число внутренних противоречий увеличится сначала на 1 (предположение – «до меня не дойдет очередь»), потом в геометрической прогрессии (суждения о том, что это не справедливо, что все предрешено, что мне-то точно не повезет и так далее). Если же все сначала вытянут камни, не глядя на них, а потом предъявят содержимое своих ладоней добровольно, то начальная картинка останется неизменной. Противоречия будут сняты исходя из позиции 14 к 1.⁹ Вторая форма жеребьевки помимо всего прочего позволяет добиться участия всех игроков в процессе энтелехии до самого конца, увеличивая напряженность с каждым этапом. При этом каждая последующая ступень отрицает предыдущую, делая процесс реализации необратимым. Отказ от игры одного из субъектов, не предъявившего, какой камень он вытянул, означает девальвацию результатов предыдущих игроков, успешно прошедших испытание, поэтому не допускается участниками. Степень игровых действий непосредственно определя-

⁹ Прекрасно иллюстрировано в фильме Стивена Кинга «Буря столетия».

ет чистоту реализации бытия в возможности в действительность.

Обратный закон – изменение игровых действий (формы) необходимо влияет на чистоту (в том числе объем) реализуемого бытия в возможности. Для сохранения формы реализации необходимо прибегать к хранению знания последовательности того, как необходимо действовать. Любое хранение предполагает риски доступности к знанию третьих лиц. Изначально секретность государственного управления была связана не с терроризмом, а с тем, что лица, не понимающие, какое именно бытие в возможности реализуется (например, в обрядах жрецов), просто девальвируют саму процедуру энтелехии, не добившись никаких результатов, кроме отрицания. Таинство действия участника – один из признаков движущей причины парадигмы бытия, свидетельствующих о самостоятельной воле субъектов реализации.

Любая социальная система сталкивается с тем, что с течением времени появляются субъекты, предлагающие тем или иным образом модернизировать формальную сторону, формальную причину в целях улучшения качества получаемого результата (материальная причина). При этом, если для создателя целевая причина до ее реализации в парадигме составляла исключительно бытие в возможности и было неизвестно, реализуется оно в действительность или нет, то для стороннего наблюдателя, который уже застиг процесс цикличности парадигмы бытия, целевая причина трансфор-

мируется лишь в «то, ради чего», в лучшем случае, зачетный критерий цели, а вся парадигма бытия в любой стадии осуществления бытия в возможности в действительность представляется как определенная технология (результат разных уровней алеантности). Редким исключением являлось христианство, так как к Богу нельзя относиться вторичным образом, как к технологии. В основу веры положены обостренные до предела чувственные и вербальные основания, но церкви, как мы уже отмечали, удалось и это преодолеть. Проектировщику социальной системы необходимо заранее предусмотреть, каким образом будет сформирована элементная допустимость по всем 4-м причинам бытия. Система должна быть сформирована таким образом, чтобы в каждом элементе парадигмы любого уровня было возможно с достаточной степенью однозначности идентифицировать возможность кооптирования того или иного элемента в систему. В противном случае получается, что элементы, которые были в системе изначально, просто вытесняются и устраняются, при этом, с точки зрения принадлежности самой системы (например, ее названия) для лиц, не связанных с ней, но осведомленных о ней, изменений не происходит.

Внутренний контроль системы осуществляется исключительно по элементам парадигмы бытия и является формой «социальной медицины». Аппарат, который обеспечивает подобный функционал, должен быть специальным образом обучен, ни в коем случае данный функционал не должен

строиться по принципу ad hoc, людьми, преуспевающими в самой системе в части реализации ее парадигм, так как в данном случае процесс будет носить творческий характер, а это самое худшее, что может быть для системы. Любая система должна изначально предусматривать возможность творческого изменения в заранее очерченных рамках, где известны начало и конец этого процесса, но никогда нельзя успешным представителям движущей причины системы поручать ее мониторинг и, тем более, управление элементами парадигмы бытия. Все законы людологии очевидны и в своем исполнении не требуют специальных познаний (только в рамках универсального анализа). В области действия, в области непосредственных процессов жизнедеятельности парадигм бытия, уровень элементарной функциональности, приобретенной путем участия, намного выше любых отвлеченных знаний. И, вместе с тем, любые функционалы, в которых с таким успехом персонифицируются те или иные участники, начинаются исключительно с бытия в возможности, с замысла. Это два разных бытия, смешивать которые недопустимо. Опять же отметим, что в ранних стадиях развития человеческого это весьма точно понималось, и общество организовывалось именно таким образом. Был функционал социальной системы, поддерживаемый властью, исключительной компетенцией которой была охрана существующего порядка, его защита. И были девиации, как в самой системе, так и во внешних отношени-

ях, которые с успехом устранялись кастой жрецов, пророков и прочее, имевших исключительную компетенцию – формирование представления, отношения, алгоритма взаимодействия с тем или иным явлением, отклонением. Обе данные функции были по своей власти абсолютны. Стоит отметить, что на этой стадии не было никакого различия в социальной организации, что на Западе, что на Востоке. Различия появились позже при изменении социальных систем на Западе. Но, как говорится, в споре слова и оружия, победило оружие. Со временем политическая власть не удержалась. При этом следует отметить, что везде, где нет тирании религии, присутствует тирания политической власти. На Западе отсутствие понимания Христианства, многочисленные конфессии, привели к тому, что Богом стало само государство, управляемое мелкими людьми, и произвол в отношении рядового гражданина достиг апогея. При этом граждане лишены возможности познания сущности своего Бога – государства, поэтому считают его несправедливым, а наказания жестокими, т. е. социальные цели регулирования и снятия противоречий таким образом не достигаются. На Востоке же основным центром управления до сих пор является религия, и там суровость власти есть прежде всего суровость Бога. Как бы ни была мертва в современных условиях развития данная концепция, но она значительно лучше с точки зрения управления социальной системой, так как реализует предельные представления человека (Бог, божествен-

ность). Другое дело, что современные люди не богобоязненны и имеют самые дискредитирующие представления о Боге.

Утрата социальной системой своей сущности происходит всегда незаметно. Не надо путать заметный процесс с так называемыми революциями. Революция – это замена движущей причины, а в дальнейшем и замена всех элементов парадигмы в рамках представлений движущей причины об этих элементах, иначе говоря, это вредительство при добросовестном заблуждении. Утрата сущности – процесс длительный, но весьма легко исполнимый. Он кажется нам историческим прежде всего потому, что его продолжительность преодолевает многократно жизнь человека и поэтому не зависит от чьего бы то ни было волеизъявления, а, следовательно, воспринимается нами как объективность. Первым шагом на пути утраты сущности социальной системы является предположение того, что бытие в возможности доступно само по себе, присутствует где-то вне связи с парадигмой бытия. Это естественное желание допускать бытие того, над чем надо тяжело трудиться. Данное допущение легло в основу философии Платона о мире эйдосов, независящем от воли людей, вечных и неизменных, содержащихся в сознании Бога. Вместе с тем, бытие в возможности обнаруживает себя исключительно в парадигме бытия. Напомним, составляющими парадигмы бытия являются: бытие в возможности, переход, бытие в действительности. Бытие можно констатировать лишь там, где есть парадигма бытия и только. Само

по себе бытие в возможности не существует, оно всегда нуждается в своем носителе, в форме проявления даже для своего автора (не поэтому ли человек так необходим Богу), и если не ограничивается, то самореализуется, то есть, определенным образом переходит в область действительного. При проектировании социальных систем этим процессом необходимо управлять. Нельзя допускать экспериментального отношения участников к форме реализации. Научно-техническая революция XVII – XIX века сформировала в массовом сознании возможность и готовность к модернизации любого уровня. Даже та цена, которую пришлось заплатить за это в XX веке, не научила ничему. Это естественно, так единожды возникнув, парадигма бытия в той или иной форме пытается отстоять свое право на жизнь, как и любое социальное явление. Но необходимо четко понимать, что любое отклонение от выработанного алгоритма возможно исключительно в рамках проектирования, но не в рамках исполнения. Это достигается путем абсолютной веры, но абсолютно верить, опять же, можно только в Бога. На примере падения Христианства, как когнитивной социальной системы, – ее разрушение началось с появлением священников. В тот самый момент, когда появился человек, который ближе к Богу, чем верующий, вся суть Христианства растворилась. Священник стал центром видения Бога, его поведение ослабляло когнитивную функцию верующего, он был буфером на пути выстраивания абсолютных принципов встречаемости

и подобия верующего к Богу. У Бога появились сотоварищи в виде священнослужителей, жрецов. При этом Иешуа неоднократно предубеждал против книжников и священников. Один лишь этот факт лишнего посредничества разрушил всю систему.¹⁰ Дальше больше, произошла подмена понятий, поменялись формы реализации бытия в возможности, в итоге сегодня – карикатура. Не стоит повторять ошибки ставки на Единобытие всех участников системы. В частности, предусмотреть функционалы и разницу компетенции – задача именно проектировщика. Весьма неплохо сформировать стабильную систему должного и возможного в самой системе, – это минимум, который путем аналогии может стать сдерживающим фактором на пути опасных девиаций. Иешуа изначально не предполагал, что его Учение может стать формой прикрытия государственного насилия, а тем более, средством управления. Вместе с тем, следует понимать, что природа не терпит пустоты и, устраняя из человека мишуру этого мира, делая его стабильным в отношении чистых понятий, следует понимать, что он становится рабом любого, кто принесет ему верительную грамоту от лица этих чистых

¹⁰ При этом применительно к аналогии государство – частные юристы (где государство – новый Бог) аналогия уместна только в отношении генезиса, так как юрист работает в системе очевидного государственного контроля, в котором конечный потребитель всегда может обратиться к первоисточнику. Священник же связан только узами корпоративности (церковь) и совестью, претерпевающей значительную коррозию внутреннего контроля в отсутствии скорого на расправу хозяина.

понятий. Любой чистый разум продуцирует напряженность мыслительной деятельности, это переход в другое состояние жизнедеятельности, это счастье быть носителем и формой реализации в тебе предельных основ бытия (в Христианстве Бог), но, вместе с тем, это великая опасность стать жертвой и заложником того, кто сумеет канализировать эту энергию применительно к практическим целям. Яркие примеры недавнего времени – сталинизм, национал-социализм, американский демократизм, реформаторская деятельность М. С. Горбачева. Необходимо формировать реальные алгоритмы. В христианстве, например, до современного периода осталась лазейка отшельничества для тех, кто желает повторить опыт ранних христиан до государственного периода, но для современного человека это не выход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.